

Анвар Абиджан

АЛАМАЗОН И ЕГО ПЕХОТА

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»
Ташкент
1984

Фантастическая повесть узбекского писателя Анвара Абиджана рассказывает о необычайных приключениях семиклассника Аламазона и его друзей.

ОТ АВТОРА

Главный герой моей повести — веселый, озорной мальчишка, который очень похож на каждого из вас, друзья. Прежде всего потому, что каждый из вас мечтает, чтобы с ним произошли разные удивительные и необычайные происшествия. Чтобы знать, прав я или неправ, утверждая это, вы должны прочитать повесть.

Не думайте, что это трудно: чтение книг такое же приятное занятие, как облизывать варенье на пальцах. Вы только должны иметь чуточку терпения — ровно настолько, насколько нужно его, чтобы открыть банку с вареньем.

Начнем, пожалуй, а?

МУШКЕТЕР ИЗ ТАШТАКА, ИЛИ ПРОЛОГ

Селение Таштака¹ с трех сторон окружено высокими, могучими

¹ Таштака — каменная подкова.

вершинами горы Елка итог². И село, и гора вполне оправдывают свои названия. Если смотреть сверху, кажется, что видишь перед собой каменную подкову, которая упала с копыт мифического скакуна — такого, о котором пишет наш эпос «Алпамыш». А горы возвышаются над этой подковой, будто паруса — особенно в ясную зимнюю пору, когда их белые вершины блестят в лучах неяркого солнца.

Каменную подкову будто пересекает блестящий след гигантского сказочного меча. Это Кочкарсан, он продолжает водопад, пенящийся по склону восточной вершины. Там, где водопад падает на землю, образовалось озерцо, его питает подземный родник. Именно поэтому сай, рожденный от маленького водопада, удивляет приезжих своей шириной и плавностью — они ведь ничего не знают о роднике.

Добраться до селения нелегко. Вначале нужно ехать по огромному лугу, разноцветной скатертью расстилающемуся по долине. Сочная, высокая трава готова скрыть путника с головой — даже если он едет на лошади. Но и подъехав почти вплотную к Таштака, видишь, что нужно еще взбираться по отвесным террасам, одна за другой поднимающимся к самым стенам кишлака.

На первом выступе растет миндальная рошица. Невысокие деревца с зубчатыми блестящими листьями хороши в любую пору, но особенно весной, когда цветут белыми и розовыми цветами, пахнущими сильно и пряно. Там, где между деревьями прогалы, кустами растет исырк — ароматом этой травы окуривают детей, чтобы обошла их болезнь.

Второй выступ начинается редкими кустами арчи, но постепенно деревья становятся все гуще — и вот уже тропа вьется в настоящем лесу, густом и живописном. Звучно поют кеклики — считают, что именно в этих местах зимуют и выводят птенцов эти редкие птицы, ведь именно в окрестных пещерах можно найти множество золотистых перьев, которые оставляют кеклики.

Следующий выступ таштакалинцы называют «кашта»³.

В самом деле, он весь как бы соткан из разноцветья тюльпанов — словно искусная вышивальщица подобрала оттенки один к одному:

² Елкантог — гора, похожая на парус.

³ Кашта — вид разноцветной вышивки.

красные, багровые, желтые... Даже бабочки, порхающие над цветами, и те каких-то необыкновенных, фантастических расцветок... Если остановишься здесь и оглянешься вокруг, увидишь: серебристые вершины гор с этого выступа кажутся еще более величественными и прекрасными, словно ожившими. А дальше, после третьего выступа, виден навесной мост; только пройдя через него, можно ступить на землю Таштаки.

А вот и главный герой нашей повести — он сидит на плоской каменной глыбе недалеко от моста, болтает в воде ногами и разглядывает противоположный склон. Зовут его Аламазон.

Аламазон на языке таштакалинцев означает «большой костер». И часто бывает: в тот миг, когда во время свадьбы подливают масло в ритуальный костер и он вспыхивает с особой силой, местная детвора с особым удовольствием кричит «Аламазо-он, гулдирмазон!». Ох, и не любит же он эти выкрики! Неудивительно, что самый громкий голос неожиданно обрывается в тот момент, когда подкравшийся Аламазон больно ткнет в бок его обладателя...

Аламазон любит три вещи: первое — устав после футбола, читать книгу, лежа на диване. Второе — без усталости фантазировать на самые разные темы. Темы он берет в основном из прочитанных книг, иногда пытается выразить свои фантазии в виде стихов. Третье — когда надоест читать, забыть обо всем и до изнеможения снова гонять в футбол. Но исполнение желаний дается нелегко. Это может подтвердить и Аламазон. Когда, устав до чертиков, весь в пыли, он возвращается домой, мать дерет его за уши — почему не помотал дома. Брат, у которого он часто тайком берет книги, тоже воспитывает по-своему: читай, мол, то, что тебе положено по возрасту! Когда же он, увлекшись стихами, упорно не отзывается на окрик отца, тот, не долго думая, принимается расстегивать свой ремень, чтобы поговорить с ним по-мужски... Даже бабушка, давно перешагнувшая девяностолетний рубеж, не остается в стороне от воспитания Аламазона: «В мое время хорошо знали, в какое место лучше всего входит наука». Единственный, кто по-настоящему понимает Аламазона, — это его дядя. Ему мальчик готов доверять все свои секреты, включая самые «страшные»: кто принес мышь на урок

физики, кто затеял потасовку во время перемены... Дядя, когда приезжает из столицы, тоже словно превращается в мальчишку — непоседливого, озорного, и иногда вместе с племянником получает от бабушки выговоры... Вчера он снова приехал в кишлак, правда, совсем ненадолго, и привез с собой таинственную коробочку из серебра, с полустершимися буквами — как раз о таких, наверно, рассказывается в сказках «Тысячи и одной ночи».

Аламазон читает жадно и с упоением. Но в кишлаке, в школьной библиотеке, не слишком много приключенческих книг. Правда, те, что есть, он прочитал по многу раз — и про Чипполлино, и про Буратино, и про Тома Сойера с Гekom Финном. А уж о «Робинзоне Крузо» и «Маугли» — и говорить нечего!

Иногда бывает, когда он делает налеты на книжную полку старшего брата, мы уже говорили. Ровно два года назад, когда после пятого класса он отдыхал на каникулах, тайком прочитав «Минувшие дни», «Мираж» и «Казачи», принялся за «Анну Каренину». Этот шедевр Толстого Аламазон так и не дочитал: старший брат поймал его за чтением как раз посередине главы о любви. Нагоняя в тот раз был особенно ощутимым: у любознательного пятиклассника долго горели уши!

Но, несмотря на все это, книги делала свое дело: детские учили мальчика тому, что правда и добро обязательно побеждают неправду и зло; книги для взрослых — что настоящим человеком можно назвать только того, кто приносит пользу людям и родной стране, борется за правду и справедливость. И у Аламазона возникало желание совершить что-либо такое... такое, чтобы о нем могла говорить вся страна! Он жаждал подвига! Но что именно нужно сделать, с чего начинать?

И он размышлял о героях прочитанных книг. Вот Робинзон Крузо — он же мог в одиночестве опуститься, одичать, превратиться в что-то страшное, а он, наоборот — трудился, воспитывал Пятницу и сражался с кровожадными дикарями. И, не имея возможности общаться, вел дневник... Аламазон тоже стал вести дневник, приутих, стал уединяться — совсем как Робинзон Крузо. Учителя не успели обрадоваться такому превращению, как Аламазон увлекся

«Озорником» и снова превратился в неугомонного сорванца. А уж после того как прочитал «Спартак» Джованьоли — и вовсе разошелся: вообразил себя гладиатором, соорудил деревянный меч и, сражаясь, как гладиатор, нечаянно разбил голову однокласснику, который владел своим мечом несравненно хуже. Ох, и неприятностей же было у него после этого у Аламазона, разумеется!

И только учитель физкультуры, который вел кружок фехтовальщиков, не стал упрекать мальчика, а пригласил его в свой кружок, говоря, что такого энтузиаста ему как раз и не хватает!

Делать нечего — стал Аламазон ходить в кружок. Какнздкак, теперь можно было смело орудовать шпагой и соображать себя д'Артаньяном. Он так увлекся, что незаметно для себя стал лучшим фехтовальщиком школы. Ученики младших классов, когда встречали его, почтительно уступали дорогу, шептались вслед: «ВОН, вон Аламазон!». И все-таки Аламазон отдавал предпочтение футболу.

Слов нет, приятно нанести «укол» своему противнику. Но еще приятнее забить гол в чужие ворота под одобрительные крики мальчишек, многие из которых старше его, но держат себя с ним, как равные. Прочитав же «Прощай, оружие!», Аламазон вообще потихоньку стал уваливать от занятий в кружке, за что учитель физкультуры обещал пожаловаться родителям. Ну а что последует за этой жалобой, известно! Вот почему, сидя на плоском камне у реки, чемпион школы по шпаге предавался унылым размышлениям, не обращая внимания на круглощечкого, упитанного мальчишку. Тот, сидя неподалеку, искоса посматривал на нашего героя, с аппетитом уплетая плоды паслена, в избытке висящие на кустах над самым саем.

Этот второй мальчик тоже заслуживает того, чтобы рассказать о нем поподробнее, ибо он вместе с Аламазоном переживает удивительные и забавные приключения. Зовут его Ишмат. Он не из тех мальчиков, которые делают что-то, не думая о последствиях. Ишмат знает что к чему. Больше всего он любит вкусно поесть и потому беспрерывно что-то жует. У него тоже есть свои неприятности. Одна из них зовется «Математика». С первых же объяснений учителя, вводящего своих учеников в сложный мир чисел, строгих законов и постоянных величин, Ишмат понял, что в

мире есть немало вещей, придуманных специально для нервотрепки людям. Потому каждый урок превратился для него в настоящую пытку. Сколько не бился учитель, объясняя ему какое-либо правило, Ишмат только тупо смотрел в учебник и с отчаянием кивал головой в такт объяснению. Зато он твердо усвоил, что эта наука — не что иное, как враг всего человечества.

А теперь мы ненадолго покидаем наших друзей возле навесного моста — до тех пор, пока мысли их не приобретут совершенно другое направление.

О ТОМ, КАК ИШМАТ СТАЛ ФРЕНСИСОМ

— О чем думаешь, эй, Аламазон? — спросил Ишмат, срывая с кустов очередную горсть плодов паслена.

— О сокровищах.

— О чем, о чем? — чуть не подавился от неожиданности Ишмат. — О каких сокровищах?

— О настоящих, о каких же еще? — вытаскивая ноги из воды, ответил невозмутимо Аламазон. — Ты что, не дочитал книгу?

— Я... я просмотрел ее.

— Просмотрел! — презрительно покачал головой Аламазон. — Но если даже толком и не прочел, все равно обязан был задуматься: почему им можно было искать сокровища, а нам — нет?

В первые дни летних каникул Аламазон случайно напал на книгу Джека Лондона «Сердца трех». Залпом прочитал ее. Мужество веселых и упорных кладоискателей, преодолевших страх смерти, ужасы пещер и подземелий, крепко запали ему в душу. Он просто бредил этими героями. Конечно, тут же дал прочитать книгу своему «оруженосцу»-так звали Ишмата за то, что он повсюду, как тень, следовал за Аламазоном, а тот, вот тебе раз, только «просмотрел» ее!

— Ты что же, кроме паслена, ни о чем не способен думать? — не давая Ишмату возможности оправдаться, накинулся Аламазон на друга. Но тот и не думал оправдываться.

— Дурак я, что ли, чтобы попусту ломать голову? — ответил он, жуя сладкие плоды. — Эти твои кладоискатели все время мечутся из

пещеры в пещеру, а ради чего ради золота. К тому же они все время вынуждены голодать. Разве это жизнь?

— Эх ты! — махнул рукой Аламазон. — Все о том же...

И тут же, снова загораясь, громко и возбужденно заговорил:

— Ты подумай, голова твоя садовая: если у индусов в пещере находят сокровища, у народа майя вон что отыскивали, то почему же в пещерах у узбеков не найдись чему-то похожему? У нас ведь какая древняя история, чего только в ней не было! Чует мое сердце: если в нашем Джиндагаре пещеры не кишат кладами, то отрежь мне ухо. Просто никому не пришло в голову поискать их. На смуглом лице Аламазона заиграла улыбка.

— Эх, найти бы нам хоть один клад! Мы тогда смогли бы сделать людям столько добра!

И он, как всегда, стал фантазировать.

— Что в первую очередь? Ну, конечно, построили бы рядом с пастбищем стадион на десять тысяч мест.

— Йе-йе! — Ишмат от удивления даже перестал жевать. — Да у нас в кишлаке всего каких-то две тысячи жителей. Зачем такой большой стадион?

— Ну... ну это теперь их маловато, — чуть смутившись, справился с замешательством Аламазон. — В будущем их будет здесь знаешь сколько! Ты слышал, говорили на собрании, что темпы роста населения увеличиваются. Вот, к примеру, у Арифака одиннадцать детей. У каждого из этих детей будет еще по одиннадцать. Потом и у детей этих детей будет еще столько же. Посчитай, что получается!

Ишмату совсем не хотелось считать, и он вяло возразил:

— До, но не все же останутся в кишлаке. Смотри, сколько уезжает в города, сколько отправляется учиться или в армию.

— Когда наш кишлак станет таким прекрасным, как мне видится, — твердо сказал Аламазон, — никто не захочет отсюда уезжать! Да он и так красивый! Но если здесь будут многоэтажные дома, такие, как в городе... да чайхана из мрамора, которую возведут возле самого сая, под деревьями, да еще новый мост над Кочкарсаем... А если еще и улицы заасфальтируют!

Опять Аламазон размечтался. Ишмат слушал его не перебивая. Но

когда речь пошла о перилах, на мосту, которые будут из чистого серебра, он не выдержал:

— Чайхана чайханой, но нужно бы подумать и о приличной школе.

— Можно еще и самсозую. А если будет так много людей, как ты говоришь, то и шашлычная бы не помешала!

— Да еще установим огромный памятник Ахмадалиата, не слушая его, мечтал Аламазон.

Ахмадали-ата, всю жизнь проработавший учителем начальных классов, умер два года назад, но и сейчас его частенько вспоминали добрым словом в Таштака. Он был не только учителем, но и воспитателем в самом лучшем значении этого слова, и ученики его всегда с успехом выдерживали экзамены даже в столичных вузах. Двое его учеников носят звание Героя Советского Союза, один стал министром, а есть один, который работает самым директоров масложиркомбината! Но зачем далеко ходить: Ахмадали-ата учил ведь и самого Аламазона!

Выпалив все это, Аламазон задумался. Кажется, все предусмотрел. Но ведь еще неизвестно, какой клад найдешь. Наверно, надо сначала найти сокровища, а потом уже распоряжаться. Ведь, как говорит Назар-алкаш, «чем больше у тебя денег, тем больше расходов». Помолчав немного, он тронул Ишмата за плечо:

— Так что, за дело?

— Какое дело? — изумился Ишмат.

— Надо идти за кладом.

— Еще чего! Ты что, все это всерьез?

— Серьезней не бывает. А для чего ж мы все это говорили?

— Это ты говорил, а не я. Ты что, думаешь, что тебе в пещере сокровище приготовлено? Мол, приходи, дорогой Аламазон, и бери меня, если хочешь.

— Эх, ты! Трус ты, вот что! Я хотел тебя назвать Френсисом, а ты недостойн этого, как я посмотрю! А как было бы хорошо: я — Генри, ты — Френсис!

Поменять прозвище — это была давняя мечта Иигмата.

С самого раннего детства его в минуты гнева называли «ишма» —

толстяк, пузатый. И угораздило же его имени быть похожим на эту дрянную кличку! И хотя прозвище «толстяк» необычайно подходило кругленькому как футбольный мяч, Ишмату, ему казалось, что кличка явно несправедлива. Но если его назовут Френсис, то мальчишки перестанут дразнить «толстяком». В самом деле, какое из бранных слов похоже на Френсиса? Нет таких слов! И он задумался.

Аламазон нетерпеливо наблюдал за ним. Перед этим он долго размышлял. В общем-то Ишмат недостойн носить это имя. И имени Генри он тоже недостойн. Но ведь не будешь же носить два имени сразу, хотя и одно, и второе имя словно созданы для Аламазона. Справедливость требовала, чтобы он уступил одно из них Ишмату. А поскольку в поединке двух братьев победителем все-таки оказался Генри, то Аламазон решил, что-что, а это имя он не уступит!

— Ну, что? — не выдержал он.

— Ты не спеши, — примирительно проговорил Ишмат. — А откуда мы знаем, есть ли вообще золото в Джиндагаре.

— Есть! Если нет, отрежь мне уши. Говорят, что оно может быть в самом конце пещеры — в Зимистансарае. Там вполне могли зарыть когда-то клад.

— А что мы возьмем с собой? Из еды, конечно, — начал сдаваться Ишмат — Ты думаешь, мы сможем так долго голодать, как эти... из книги?

— Не горюй! Я уже позаботился о своей дружине, — торжественно объявил Аламазон.

Он встал на глыбу камня и выпрямился, высоко подняв голову. Торжественно объявил:

— Раз ты согласен, то двинемся. Готовься, Френсис! Мы отправляемся в священный поход. Впереди — Джиндагар. И хотя Ишмат в душе скорее готов был вечно сидеть на берегу спокойного, тихого сая, жуя что-нибудь вкусное, чем подвергать себя опасности в пещерах, он молча кивнул головой. Раз Аламазон сказал, значит так тому и быть.

На следующее утро, еще до восхода солнца, они отправились в путь.

Селение еще спало. На склоне горы влажно поблескивала роса.

Молчали птицы. Ежась от предутреннего холода, мальчики выбрались на узкую тропку, прижатую к восточным склонам Елкантага. Они прошли мимо водопада, потом долго карабкались вверх — туда, где по камням, то пропадая, то возникая в расщелинах, протекал голубой, ослепительной чистоты арык, прозванный Джаннатарыком — райским. Именно возле него и находился знаменитый Джиндагар.

ЗИМИСТАНСАРАЙ⁴

В пещере было влажно и прохладно. У самого входа и дальше валялись старые и совсем еще свежие кости — наверно, сюда утаскивали хищники свою добычу. Перья хиллол-кекликов, рассыпанные повсюду, при каждом шаге щекотали лицо, взметываясь вверх мягким пушистым облаком.

Наши кладоискатели, гордо вступившие в пещеру, подобно сарбазам⁵, вскоре замедлили шаги — свод пещеры с каждым шагом становился ниже. Мальчики сгибались все больше и больше, оберегая фонарь, которыми они освещали дорогу.

Вскоре пришлось ползти, держа фонари в вытянутых руках и волоча за собой увесистые сумки с продуктами.

Пыхтя, обливаясь потом, ползли они, натываясь то на каменные выступы, то скользя руками по влажной глине и каждую минуту боясь покатиться куда-то вниз, то обдирая колени и отплевываясь от пыли.

— Когда же это кончится? — ныл Ишмат, вслед за Аламазоном нащупывая в темноте путь, слегка задыхаясь, так как верткий, быстрый Аламазон опережал своего спутника. Тогда Аламазон задерживался, подбадривал Ишмата;

— Ничего, это еще только начало! Не бойся, скоро сделаем перерыв. Не все же только ползти!

Спустя некоторое время и впрямь они добрались до места, где можно было поднять голову и даже сесть.

⁴ Зимистансарай — темный дворец.

⁵ Сарбазы — воины из личной охраны падишаха.

— Вот здесь передохнем и перекусим, а то, что впереди, неизвестно. Может, такого свободного пространства больше не будет, — скомандовал Аламазон.

Ишмат, не отвечая, тяжело дыша, растянулся на камне. Аламазон поставил повыше свой фонарь, развязал мешок с продуктами, разложил возле лежавшего Ишмата вареные яйца, кусок мяса, лепешку.

— Ешь, и побольше! — заговорил он. — А то ведь нам придется мешок с продуктами оставить здесь.

— Как — здесь?! — взвился Ишмат.

— Проход узкий, может сузиться еще больше, не пролезем, — спокойно объяснял Аламазон. — А с собою возьмем только флягу с водой и сухари в карманы.

Ишмат почувствовал, что ему все меньше хочется зваться Френсисом. Пусть будет вечно сопровождать его кличка «ишма», зато как хорошо валяться на траве под теплым солнцем или следить, как мама готовит плов! А то ползи в темноте, как лягушка, да еще и надейся только на сухари!

— Я вижу, что тебе хочется назад, — угадал его мысли Аламазон. — Не надейся. Кто же тогда будет устанавливать памятник Ахмадали-ата? А стадион?

— Со временем государство само построит для нас стадион.

— Ты бы, конечно, не прочь все заботы о своей персоне переложить на государство. Пусть оно нас учит, дает образование, пусть строит памятники и стадионы. Так, да? А мы будем сидеть и потирать руки — еще нам давайте, да побольше! Хочешь, скажу тебе, кто ты такой?

— Ну кто?

— Паразит, вот кто! Не думаешь, что нужно государству, думаешь, что нужно тебе! Что будет, если все так начнут думать?!

Ишмат безнадежно махнул рукой. Он знал: если Аламазон захочет, он может доказать все что угодно. Умудрился же он доказать вину Бутабая из «А» класса, хотя, если рассудить здраво, то сам же был во всем виноват. Кто пустил камень в айвовое дерево? Аламазон. И в том, что камень упал на Бутабая, который стоял под деревом,

виноват опять же он. Но нет — Аламазон перевернул все наоборот.

— Ты почему не учишь физику? — напустился он на Бутабая. — Почему ротозейничаешь во время урока?

Ребята, стоявшие вокруг, от удивления открыли рты.

Не меньше удивился и Бутабай: какое отношение имела его ушибленная голова к тому, учил он или не учил физику?

— Не твое дело! — взвизгнул он, вытирая слезы. — Что ты этим хочешь сказать!

— То, что ты физику знаешь даже не на единицу — на ноль!

— Врешь! — выпалил Бутабай, не предполагая, что эти слова обернутся против него же. — Физику я знаю на «пятерку!»

— Знаешь?

— Знаю.

— Значит, ты знаешь и закон земного притяжения!

— Ну и что? Что из этого? — несчастный Бутабай чувствовал, что его увлекают куда-то в сторону. Чувствовал, но сделать ничего не мог.

— А то, что брошенный вверх камень непременно падает вниз! Ты знал это и преспокойно стоял под деревом, ждал, пока камень упадет на твою голову!

Бутабай онемел от такого нахальства. А Аламазон наступал;

— Отвечай: зачем нарочно встал на пути камня? Или ты хотел, чтобы отец дал мне взбучку? А? Говори: рассчитывал на то, что я получу трепку?

— Отстань! — закричал наконец Бутабай. — Отстань от меня! Ничего я не хотел! Просто стоял под деревом!

И получилось так, что Бутабай должен был оправдываться, а Аламазон чувствовал себя обиженным!

Кто же после этого рискнет вязываться в спор с Аламазоном?!

Ишмат тоже промолчал. Он понимал — будет так, как сказал заводила Аламазон. Придется довольствоваться сухарями.

И это было самое большое неудобство так хорошо начавшегося путешествия. Вздохнув, Ишмат нежно погладил мешок и сумку. Эх, сколько вкусных вещей оставляли они здесь.

Как и предполагал Аламазон, пещера сужалась все больше. Они,

извиваясь, как ящерицы, ползли и ползли, иногда буквально спиной чувствуя своды. Конечно, с увесистым мешком проползти здесь было бы невозможно. Воздух здесь был спертый, и с мальчиков градом катился пот. Одежда намочила и стала тяжелой. Резко запахло серой.

— Мы задохнемся! — испуганно завопил Ишмат. — Слышишь, чем пахнет?

— Ну и что? Дальше воздух будет свежее... Я чувствую — где-то здесь начинается тяга. Жалко, что нет спичек. Я бы проверил.

— Все, хватит! Я возвращаюсь назад!

— Без меня побоишься. Так что лучше тебе ползти вперед со мной.

Ишмат замолк. В самом деле, назад одному возвращаться страшно. Эх, зачем он поддался уговорам?

— Послушай, — примирительно начал он. — Сколько мы читали, нигде не было, что в такой вот дыре может быть клад. Ну кто поползет его сюда зарывать?

— По-твоему, клад заруют на развилке дороги?

— Нету здесь клада! — твердо сказал Ишмат. — Не было и не будет!

— Предатель! — разъярился Аламазон. — Ты недостойн имени Френсиса, ты всего — на всего Ишмат-«ишма».

— Наплевал я на твоего Френсиса!

— Да? Тогда катись отсюда! — закричал Аламазон. Мальчики не могли повернуться друг к другу, и потому каждый кричал вперед: Аламазон — в пустоту подземного хода, Ишмат — туда, где слабо краснел свет фонаря и виден былдвигающийся Аламазон.

Вот он уполз еще дальше, дальше... Ишмат, лежа на боку, прислушался. Равномерно падали вниз капли, откуда-то сбоку тянуло удушливым запахом серы, а глина под руками и животом была такая скользкая, вязкая... Ишмат поежился, представив, что он поползет назад в одиночестве. Нет, что угодно, только вместе с Аламазоном! И он изо всех сил заработал локтями, снова пополз, тяжело пыхтя и проклиная все на свете! Он не заметил, как дополз до Зимистансарая, и, только почти вывалившись в проход и нелепо заболтав в воздухе руками, блаженно задохнулся, жадно глотая чистый, упоительно

прохладный воздух пещеры.

— Ну, ты и застрял! Как снаряд в пушке! — посмеиваясь, Аламазон помог Ишмату выбраться из прохода. Мальчики почти одновременно повалились на пол, раскинув руки и пытаясь отдышаться после душного, зловонного подземного лаза.

— Что это так гудит? — немного погодя спросил Ишмат. — Посмотри, пожалуйста. Мой фонарь испортился.

Он умолчал о том, что во время одного из поворотов нечаянно налег на фонарь всем своим плотным телом, Что-то треснуло внутри, и пришлось Ишмату ползти до самой пещеры в полной темноте.

— Это гудит вода, — направив луч фонарика в стороны, Аламазон обнаружил, что с потолка пещеры, по уступам, словно серебристая лестница, льется водопад. Струи воды, стекающие по стене, казались неподвижными. Возле стены образовалось маленькое озерцо, оно не увеличивалось в объеме, и непонятно было, куда уходила лишняя вода.

Луч фонаря казался совсем слабым в огромном пространстве, которое открылось перед ребятами. Пещера эта, все стены которой обросли мхом или сталактитами, напоминала дворец — с величественными колоннами, бесчисленными выемками, похожими на комнаты. Сходство усиливалось блеском, которое исходило от сталактитов и льющейся воды.

— А где же золото? — нетерпеливо спросил Ишмат.

— Тебе сразу все подавай! Погоди. Нашли дворец, найдем и клад!

Словно набравшись бодрости от одного упоминания о сокровище, Аламазон быстро встал и потянул лежащего Ишмата:

— Вставай! Давай-ка начнем поиски прямо сейчас!

И кладоискатели с жаром принялись исследовать пещеру. Дело подвигалось медленно. Чем меньше оставалось комнат, тем больше хотелось плакать Ишмату — нигде не видно было никаких признаков клада. Когда была обыскана последняя выемка, из глаз его обильно потекли слезы.

— Если бы нашли хоть поломанный кумган, не было бы так обидно! — всхлипывая, приговаривал он. — Что мы за люди после этого?

— Не хнычь! — зло прикрикнул на него Аламазон. — Что ж тебе — клад так и лежит, не успел пройти полпути.

Сам он, усердно переворачивая камни, успел до крови поломать ногти, но не хотел признавать поражения — исследовав все выемки, стал внимательно осматривать и ощупывать стены Зимистансарая. Долго его поиски не приносили никакого результата. Усталый Ишмат, усевшись неподалеку, тихонько сосал сухарь, тайком вынутый из кармана, а Аламазон все искал да искал... Наконец в одном из дальних углов он увидел узкую расщелину, которая словно разрезала стену от потолка до земли. Только в одном месте, возле самого потолка, в нее мог бы протиснуться такой, как он. Дальше же расщелина смыкалась почти вплотную. Точно такая, вспомнил мальчик, была в сказке про Али-Бабу и сорок разбойников. И он закричал восторженно:

— Сим-сим, откройся!

И хотя каменные глыбы не раздвинулись, как это было в сказке, мальчик не унывал.

— Я чувствую — сокровище где-то здесь! — с упоением повторял он. — Эй, Ишмат, вставай! Давай-ка мы сначала посмотрим вон то озеро возле водопада. А вдруг золото именно там?

— Что ему там делать? — лениво сопротивлялся Ишмат, пока Аламазон тащил его к пруду.

— Бывало, когда враги оказывались близко, владельцы клада бросали его в воду. Золото ведь не ржавеет!

— Что же, мы, как рыбы, поплывем по озеру?

— Зачем? Мы станем нырять!

Делать было нечего. С неохотой Ишмат вслед за Аламазоном разделся и нырнул в холодную воду.

Озеро было неглубокое, и кладоискатели очень скоро обнаружили, что «образцы», добытые со дна, очень похожи на камешки, которые выбрасывает на берег Кочкарсай во время весеннего наводнения.

Закоченевшие, усталые, ребята снова оделись и, прижавшись друг к другу, тщетно пытались согреться. Вскоре пришлось встать и до изнеможения отплясывать танец дикарей, чтобы не замерзнуть в

холодном воздухе Зимистансарая. Когда они опять сели близко друг к другу, Аламазон решительно сказал:

— Теперь остается только последнее средство!

Словно боец, у которого остается последний патрон, он стал торопливо шарить по карманам.

— Что ты ищешь? Волшебный камень Аладдина?

Ишмат в определенные минуты тоже имел явную склонность к юмору.

— Не камень, а лекарство.

— Какое такое лекарство? — с подозрением приподнялся Ишмат. — Опять что-то выдумываешь?

— Может, дядя обидится на меня, но другого выхода нет! — продолжал, не обращая на него внимания, Аламазон. Наконец он нашел то, что искал: маленькую, не больше спичечной, коробку серебристо мерцающего цвета.

Как мы уже говорили, эту коробочку показывал накануне вечером знаменитый профессор Агабек Туркони отцу Аламазона. Дядя уезжал в Индию и по дороге решил заехать к родным. Дядя говорил о своем друге археологе, который вел раскопки в Афрасиабе и нашел коробочку, а в ней четыре странные лепешки.

— Что это такое, дядя? — дождавшись, когда отец улегся спать, стал осторожно выведывать Аламазон секрет серебряной коробочки.

— Лекарство, — улыбнулся дядя. — Кто добудет его, тот достигнет, как в сказке, своих заветных целей.

— У твоего дяди, наверно, много таких лекарств, рассмеявшись, подала голос мать. — У него дела всегда идут хорошо!

Аламазон не мог заснуть до глубокой ночи. Давно в доме установилась сонная тишина, а он все ворочался с боку на бок, и в голове его вертелась фраза: «Достигнет, как в сказке, своих целей», а в глазах стояла таинственная коробочка.

«Завтра мы отправляемся в загадочное путешествие, — думал он. — Что, если мне взять с собой и дядины таблетки? В конце концов, ведь клад мы отдадим людям. Значит, наши цели благородные, и если лекарство сможет в этом помочь, что ж тут плохого? К тому же ведь мама сказала, что у дяди много таких

лекарств».

Эта мысль окончательно успокоила его. Он тихо встал, нашел при свете луны дядин пиджак. Вскоре он крепко уснул, и во сне не разжимая руки, в которой была зажата таинственная коробочка из Афрасиаба...

Теперь настало время действовать. Он достал таблетки, одну протянул Ишмату:

— Пей.

— А если что-то случится со мной? — заскулил Ишмат.

— Не случится! Во всяком случае, ничего плохого.

— Да? — Ишмат осторожно взял таблетку, понюхал.

Она пахла незнакомо ипряно. — Говоришь, ничего плохого?

— Да ты опять трусишь, что ли?

Аламазон храбро взял таблетку, положил ее в рот, проглотил.

— Вот видишь, ничего страшного!

— Может, она будет вкуснее, чем сухари, — пробормотал Ишмат, осторожно раскусывая таблетку. — Эх, была не была!

Прошло несколько мгновений, и мальчики почувствовали приятную расслабленность. Вскоре они лежали с закрытыми глазами, погружаясь в сон.

КРОВАВЫЕ СКАЛЫ

От грохота, напоминающего громовые раскаты, Зимистансарай задрожал.

— Йе-йе, — Ишмат, сразу проснувшись, тревожно огляделся. — Землетрясение начинается, что ли? Все ты со своими «Сим-сим». Вайдот!!!

Аламазон вскочил и быстро направил луч своего фонаря в сторону грохота. Как же он удивился, увидев, что расщелина, напоминающая о сказках «Тысячи и одной ночи», раздвигается!..

— Ишмат, ты видишь! — закричал он, пытаясь поднять своего оруженосца. — Скорее, пока они снова не сомкнулись!

Он почти силой потащил Ишмата. Раскаты тем временем прекратились, их заменило гудение — так гудит растревоженный

улей, когда ему угрожает опасность.

Когда ребята подбежали к расщелине, они увидели, что по обе стороны прохода стены усыпаны камнями, переливающимися разноцветными огнями.

— Так блестят алмазы, — уверенно, словно опытный ювелир, заметил Аламазон. — Вот видишь! Чудеса уже начинаются. Вперед, мой толстый пехотинец! Наш поход продолжается!

С трудом они втиснулись в расщелину, ослепленные сиянием и блеском. По мере того как они продвигались, расширялся и проход, одновременно усиливалось и гудение.

«...Нас как будто втягивает в свой рот тот жадный паук, о котором пишется у Джека Лондона, — подумал Ишмат. — По звуку слышно, что рот у него не меньше тандыра».

О тандыре он вспомнил недаром: стало очень жарко. Казалось, что сами они вот-вот воспламятся. Волосы, одежда — все стало обжигать руки, и пот теперь буквально заливал их лица и тела. Дышать стало почти невозможно.

— Еще десять шагов, и мы растечемся по проходу, как топленое масло, — прохрипел Ишмат.

В поисках какого-либо выхода Аламазон завертел головой во все стороны, то и дело рукавом вытирая пот с лица. Там, откуда несло гудение, он заметил световое излучение в виде отдельных радужных пучков. Кажется, челло шло тоже оттуда, с высоты, куда уходили отвесные стены. Забывшись, Аламазон прислонился плечом к стене, и тут же, вскрикнув, схватился за плечо: стена была горячей, словно кусок железа, прокаленный в огне горна.

— Надо скорее выбираться из этого ада, — проговорил он тревожно.

— Конечно, надо! — закричал его спутник. — Изжаримся здесь, как шашлыки! И в самом деле ад!

— Да, но в аду не бывает бриллиантов, — вспомнив рассказы бабушки об аде, сказал Аламазон. — Бабушка моя так рассказывала.

— Ой, не надо бабушки! — скорчившись, Ишмат махал на себя руками, словно горячий воздух мог хоть немного остудить его пылавшее лицо. Было светло, и мальчики, глядя друг на друга, едва

узнавали себя в багроволицых существах.

Неизвестно, что было бы дальше, но в этот момент гудение словно пошло на убыль. Вместе с этим потускнели радужные лучи, с которыми приходила в пещеру смертоносная жара. Пока кладоискатели изумленно смотрели вверх, ожидая, что последует дальше, вновь загремели раскаты грома. Сверху градом посыпались камешки. Уронив флягу, к которой он было припал, Ишмат схватился за голову, потом стал отползать в более безопасное место. Поднявшись на ноги, он с неожиданной резвостью побежал назад, в сторону Зимистансарая — там было спокойней. Пробежав несколько шагов, он поскользнулся и грохнулся о булыжник.

Аламазон, бежавший следом, не мог остановиться, и мальчики кубарем покатались по каменистому склону. С трудом поднявшись, Аламазон увидел, что Ишмат недвижно лежит на боку.

— Что с тобой, Ишмат! Вставай! — у Аламазона сжалось сердце. Он частенько подсмеивался над своим «оруженосцем», порой резко обращался с ним, но всегдашняя преданность Ишмата притягивала и позволяла прощать ему многое. И сейчас он боялся, не случилось ли с ним чего плохого. Он тормозил Ишмата, пока тот не поднял голову и, постанывая, держась за окровавленное колено, стал подниматься. Успокоенный Аламазон стал искать фонарь, оброненный на бегу, и вдруг остолбенел от изумления: фонарик двигался, раздвигая камешки. Он упрямо полз вперед, словно спасаясь от беды. И тут же мальчик заметил: края ущелья, по которому они шли, едва заметно, но неумолимо сближались. Немного времени — и две мощные скалы столкнутся.

— Ишмат, назад, — отчаянно закричал Аламазон. — Быстрее! А то погибнем!

Побледнев, Ишмат схватил друга за рукав.

— Что там?

— Смотри!

Мгновение Ишмат вглядывался, потом изо всех сил захромал вперед. Да, понял и Аламазон, нужно продвигаться вперед — там пространство чуть по шире, ведь позади скалы почти сомкнулись — совсем, как пасть огромного хищника, проглотившего кусок добычи!

Он рванулся за Ишматом, который махал руками, и вдруг, скривившись от боли, осел вниз. Аламазон подхватил его, тяжелого и неповоротливого, и, тоже задыхаясь от ходьбы, потащил вперед.

Пыль забивала ему рот, он беспрерывно кашлял, сгибаясь пополам, но все равно тащил и тащил Ишмата. Ни разу не пришла ему в голову мысль, что одному легче было бы спастись. Он отвечал за человека, которого сам уговорил пуститься в тяжелый и опасный поиск клада это Аламазон знал твердо. Они могли спастись — нужно было только торопиться, идти вперед изо всех сил.

В КОГТЯХ СМЕРТИ

Неожиданно камни, градом падавшие сверху, исчезли и стал накрапывать мелкий теплый дождик, который вскоре превратился в настоящий дождь. Он очистил воздух, и сразу стало легче дышать.

Но чудовищные скалы уже теснили мальчиков с обеих сторон, и Аламазону пришлось отпустить Ишмата.

— Иди один, только торопись, Ишматик, милый! — как ребенка, уговаривал он своего «адъютанта». — Если не успеем, то... сам видишь!

Он толкал Ишмата в спину, как чабан толкает непослушную овцу, уговаривал и подталкивал его вперед, а скалы уже цеплялись за их одежду, сжимаясь все теснее, неумолимее...

— Да не толкай! — закричал наконец Ишмат. — Зачем бежать, выбиваться из сил! Все равно сдохнем тут, и никто никогда нас не найдет!

— Еще чего! — закричал и Аламазон. — Пока есть силы — иди!

И он, вцепившись в плечо Ишмата, подтолкнул его еще немного.

— Пропади ты пропадом со своим золотом! — заскулил Ишмат, в отчаянии вырываясь из рук Аламазона. — Оставь меня! Оставь!

Страх все сильнее овладевал и Аламазоном. Похоже, что им действительно не выбраться из этой западни. Но ведь и Генри с Френсисом тоже не раз подстерегала смерть, но они не падали духом. Эх, знать бы, что останешься в живых, как герои книги, — разве тогда подгибались бы так ноги, как сейчас?

Радужные лучи совсем погасли, и мальчики остались в полной темноте. От этого стало еще страшнее.

И все же Аламазон не сдавался. Он не мог просто так сидеть и ждать сложа руки неведомо чего. И он, подавляя дрожь, опять зажег фонарь и стал водить им из стороны в сторону, выискивая возможность спасения.

Напряженный поиск и мужество всегда приносят результаты: впереди, на уровне его груди, он заметил между скал выщербленное то ли временем, то ли дождями пространство. Пространство было совсем небольшим, но, может быть, в нем успеют и смогут найти убежище они вдвоем с Ишматом?

Он вскочил на ноги и закричал:

— Вон там ложбина! Ямка там!

— Где? — встрепенулся Ишмат. Он проворно вскочил и побежал вперед, разбрызгивая лужицы теплой воды, быстро поднимавшейся в узком просвете между скалами.

Они сделали несколько прыжков и одновременно упали на колени: скалы с грохотом сомкнулись над ними. Еще несколько секунд, и они бы не успели. Но щербина внизу спасла их. Осмотревшись, они заметили, что «ямка», как назвал ее Аламазон, имеет продолжение. И, немного отдохнув, они осторожно, извиваясь в узком пространстве, снова поползли вперед.

Дождь давно прекратился, вокруг царил полная тишина. От радости, что остались живы, мальчикам хотелось петь, смеяться. Что бы ни было впереди, вряд ли встретится им подобное!

Когда же лазейка вывела их снова в просторную пещеру, они и совсем воспряли духом. Особенно, когда увидели небольшой водопад, в котором можно было умыться после долгого и почти непрерывного лазания. Аламазон пошарил в карманах в поисках еды. Найдя три сухаря, он два отдал Ишмату. «Все-таки ему они нужнее, чем мне, — думал он. — Где-то я читал, что толстяки сильнее страдают от голода».

— По-моему, мы где-то в районе Елкан-горы, — заметил он. — И, по всему видно, совсем недалеко от поверхности: вон там пробивается какой-то свет. Верно?

— Там, может, есть чабаны, — пробурчал Ишмат. — Наедемся хоть сыра, а то одни сухари...

Аламазон пожалел — в который раз за сегодняшний день! — что в товарищи себе взял именно Ишмата. Но ведь именно с Ишматом проводил он большую часть времени, потому что дома их были рядом и семьи водили между собой дружбу. Кроме того, ребята из их класса почти все жили в центре кишлака, и после уроков уходили в другую сторону, а ему приходилось возвращаться домой все с тем же Ишматом. Но самое главное было, конечно, в том, что наш герой очень любил верховодить, а добродушный Ишмат безропотно шел с Аламазоном на самые авантюрные проделки.

Пока они разговаривали, в пещере стало заметно светлеть. Вскоре можно было гасить фонарик. Настроение Аламазона резко упало.

«Ну и что, если остались живы? — думал он. — В таких местах побывали и не нашли даже намека на клад! Неужели напрасными будут все мечты, — и о стадионе, и о большом памятнике Ахмадали-ата?!»

ТЫРТЫК И ШЫЛПЫК⁶

Отдохнув, мальчики снова отправились в путь. Свет, который увидел Аламазон, по мере того как они к нему приближались, все более усиливался и, выйдя из пещеры, мальчики застыли, пораженные — они словно оказались перед сценой, освещенной сотнями прожекторов, поражающей точностью и яркостью декораций.

Огромная долина зеленым бархатом расстелилась перед ними. Розоватая дымка вдаль чуть скрывала невысокие холмы, со всех сторон обрамлявшие долину. Сочетание нежно-лилового, сиреневого и розового тонов создавало картину, потрясающую какой-то неправдоподобной красотой. Невдалеке пенился и падал вниз тонкой белой лентой небольшой водопад; синий, словно прочерченный лазурью, ручей вился вдаль, исчезая за холмами. Одного только не

⁶ Тыртык — человек с рассеченной губой. Шылпык — косой.

хватало этой картине, чтобы быть полностью похожей на земную долину, — солнца. Дрожали и переливались струи водопада, золотились склоны гор, но все это было освещено несколькими светилami, напоминающими гигантские планеты, и освещение это очень похоже было на искусственное.

Пока мальчики приходили в себя, из оврага возле самой пещеры неожиданно появились два вооруженных воина. Под их тяжелыми шагами осыпались камешки, шумно падая в пропасть, — отзвук доносился откуда-то снизу. Держа наперевес копья, они подошли к нашим путешественникам и приставили копья каждому к груди.

Мальчишки остолбенели. Аламазон читал прежде в фантастических романах о перемещении во времени. Но одно дело читать, а другое — самому попасть в другое время, да не в будущее, что было бы великолепно, а в средние века. Оба незнакомца были как бы ожившей картинкой из учебника «Истории средних веков». Один из них, высокий, с тупым, надменным лицом, нижняя губа рассечена, и видны редкие желтые зубы. Второй почти карлик, у него косые глаза, красный чапан и высокая желтая чалма. В общем, он похож на диковинный гриб, какие иногда встречаются на склонах гор.

— Хих, тьфу!

Встреча была открыта этим выражением, не зафиксированным ни в одном словаре, но понятным всем, в особенности, если на лице говорящего будет столько презрения, сколько было на лице высокого.

— Не двигаться! — приказал Тыртык и топнул ногой.

Сапог, как заметили мальчики, был тоже диковинным носок его был высоко загнут вперед и похож на клюв утки.

— Не двигаться! — пискляво повторил Шылпык и подпрыгнул на месте.

— Брось оружие! Хоп-па! — снова скомандовал высокий.

— Хоп-па! — как эхо, повторил карлик.

Аламазон, поняв, что они говорят о его фонарике, бросил свое «оружие».

— Кто вы такие, хих, тьфу! Что делаете здесь?

— Что делаете, лохматые?

Речь воинов тоже была необычной, многие слова они

произносили с заметным акцентом.

Ишмат, побелев, как снег, прошептал:

— Никакие мы не злоумышленники... Просто так гуляем себе...

— Они гуляют! — подпрыгнув на месте, пропищал карлик.

— Говорите, кто вы такие! — с угрозой произнес Тыртык.

Аламазон не знал, что говорить. Ему казалось, что все это они с Ишматом видят во сне: копья, чапаны, чалмы какие-то. Весь облик незнакомец явно говорил о том, что люди эти давно не умывались. Кто они? Подземные жители?! Может быть, здесь кино снимают? Тогда почему а вопросах слышна такая откровенная злоба?

— А сами-то вы кто такие? — вымолвил он наконец.

Густые, лохматые брови Тыртыка изумленно поднялись, длинные, как хвост у кошки, усы ошетинились. Красноватые глаза Шылпыка чуть не выкатились из орбит.

— Он спрашивает, кто мы такие! — карлик обернулся к своему товарищу. Тот плотнее придвинулся к юным путешественникам, копые больно вонзилось в грудь Аламазона.

— Вот как возьму тебя, червяка, да нанижу на вертел, да зажарю — сразу перестанешь спрашивать, кто мы такие!

— Да, зажарить и перцем его посыпать! — гримасничая, подхватил Шылпык. — И второго лохматого тоже можно на закуску. Он потолще...

Насмерть перепуганный, Ишмат еще больше съежился, как будто стараясь уменьшиться в объеме. Аламазон стоял, гордо выпрямившись, до крови закусив губы.

«Не надо показывать им, что мы испугались, — думал он. — Они, видимо, хотят показать свою власть. Если бы собирались нас убить, давно сделали бы это».

— Что молчишь, молокосос? — страшные глаза Тыртыка впились в лицо Аламазона. — Ты что, думаешь, что мы шутим? Хоп-па!

— Хоп-па! — запищал и Шылпык, нетерпеливо подпрыгивая на месте. Он был доволен тем, как они напугали неожиданных гостей, но вид Аламазона раздражал его, и он локтем подталкивал великана, кивая на непокорного мальчика.

— Вы, наверно, шутите, — ответил Аламазон, тоже глядя прямо в

лицо Тыртыку. — Разве может человек съест человека?

Оба воина оторопело уставились друг на друга. Видимо, эта простая мысль не приходила никому из них в голову. Удрученный Шылпык подскочил и нервно завопил;

— А я... я вот... могу съест человека!

— Заткнись! — приказал Тыртык, которому, вероятно, надоело паясничанье карлика. Потом с такой же злобой повторил свой вопрос, на этот раз обращаясь прямо к Аламазону:

— Так откуда вы будете, негодяи, хоп-па?

«Нужно с ними попробовать завязать какие-то контакты, — думал в это время Аламазон. — Мало ли что может быть. Вон Пятницу из „Робинзона Крузо“ тоже хотели съест живьем, и они тоже были люди».

— Мы сейчас вам все расскажем, — начал он. — Только вы, пожалуйста, выслушайте нас. А то мы совсем перепугались от неожиданности. Разве может испуганный человек говорить толково?

— Ты прав, молокосос, — копые в руках Тыртыка опустилось. Аламазон вздохнул свободнее.

— Спасибо вам, — радостно произнес он, приложив руку к груди. — Сразу видно, что вы добрый человек, не то что он...

Шылпык, к счастью, не услышал его. Он был занят Ишматом. От него он еще раз хотел услышать, как испугал мальчиков. Шылпыку явно не хватало случая проявить себя, показать перед всеми. Наоборот, он сам всегда был мишенью для насмешек. И он захотел отыграться.

— Боишься меня? — спросил он Ишмата.

— Боюсь, — отводя глаза в сторону, пробормотал Ишмат.

Обрадованный такой покорностью, Шылпык повысил голос:

— Съест тебя, что ли?

— Не ешьте, дядюшка! — жалобно попросил Ишмат.

— Хорошо, не съем! — сразу же согласился карлик.

Лицо его расплылось в улыбке, глаза еще больше покраснели и заслезились.

Доволен был и Тыртык. Кажется, непокорный парень понял наконец, кто тут хозяин. Правда, он городит какую-то чушь, говорит,

что они пришли из-за скал, а там, как известно, и мышь не проползет. Но пусть во всем этом разбирается начальник тайной службы!

— Ну что ж, — чмокнул он губами. — Хоть и неплохой ты мальчик, но мы все равно отведем вас к Фискиддину. Это наша обязанность, хих-тьфу!

Это «хих-тьфу» на сей раз прозвучало куда миролюбивее, и Аламазон вспомнил старую присказку своей бабушки, что хорошим словом можно отобрать кость у собаки.

— Но почему нас нужно сдавать какому-то Фискиддину? Мы ведь никому не сделали зла. Отпустите нас!

— Не можем.

— Почему?

— Потому что вы оба — лазутчики, присланные из Змеиной пещеры.

— Мы — лазутчики?!

— Да, вы. По всему видно, что пришли вы сюда неспроста... Пусть наш Фискиддин, начальник тайной службы, допросит вас.

Ишмат от страха съежился еще больше. Заметив это, Шылпык милостиво пояснил:

— Это будет только через три дня, потому что столько нам еще дежурить, пока не придет смена.

— Но чтобы вы нам не мешали, поживете пока у Хумо Хартума, — величественно добавил Тыртык.

— Кто это — Хумо Хартум?

— Полоумный старик, — чуть ухмыльнулся Тыртык, и усы его ошетинились. — Было время, когда ему все кланялись, но он сам отогнал от себя удачу, и теперь все насмеваются над ним. Хих, тьфу! Не надо было бы, конечно, связываться с ним, но другого выхода у нас нет. Пусть поухаживает за пленными.

— Разве мы — пленные?

— Конечно! — радостно запищал Шылпык, — Еще какие пленные! Посмотрим, что с вами сделает Фискиддин Фискал.

— Фискиддин Фискал?

— Да! Таково у него прозвище!

— Беда! — шепнул Аламазон Ишмату. — Если его называют

доносчиком, ябедником, то, значит, плохой он человек, этот Фискиддин!

Ишмат только безнадежно махнул рукой. Весь его вид говорил: «И зачем только я пошел с тобой в эти дурацкие пещеры!»

— Ну, хватит разговаривать! — прикрикнул на всех Тыртык. — Пошли к Хумо Хартуму!

— Ну что ж, — вздохнул Аламазон. — Священный поход продолжается. Выше голову, мой толстый пехотинец Френсис! Впереди — Хумо Хартум!

ХУМО ХАРТУМ

Хумо Хартум оказался тощим, высоким, как тополь, стариком, с морщинистым лицом и умными темными глазами. Когда воины бесцеремонно ввалились к нему в дом, он поспешно положил на полку какую-то зачитанную, потрепанную книгу.

— Как поживаешь, старик? — загремел Тыртык. — Мы к тебе по делу. Поймали лазутчиков из Змеиной пещеры и некуда их деть до прихода новой стражи. Так пусть они пока поживут у тебя. А потом заберем их в Пламенную. Услышав о пламени, Ишмат испуганно оглянулся на Аламазона, но увидев, что тот абсолютно спокоен, тоже притих.

— Лазутчики? Из Змеиной? — переспросил старик, пытаясь разглядеть мальчиков и щурясь от света, который потоком хлынул из отворенной двери. — Посмотрим, посмотрим на них.

— Предупреждаю: если они удерут, то сразу говорю — мне их не догнать, — спустя минуту обратился Хумо Хартум к Тыртыку. — Вон они какие быстроногие. Да и я не привык к роли стражника.

— Куда они денутся! — Тыртык поискал глазами, куда бы плюнуть: плевком он сопровождал свое неизменное «хих-тьфу». Не нашел и более мрачно предупредил, обращаясь к пленникам:

— Здесь — мы, а к Змеиной пещере ведет одна-единственная дорога — Черная дыра. Но там стрелки владыки. У них нет выхода. Ну, мы пошли, старик! Хоп-па!

Приказав мальчикам выйти из хижины, он проговорил:

— Головой ответишь за них! Понял?

Когда стражники ушли, старик с любопытством подошел к мальчикам, внимательно осмотрел их одежду брюки, тенниски, ботинки, даже пощупал ее.

— Откуда вы? — спросил он.

— Мы... оттуда... — неопределенно ответил Ишмат.

— Откуда оттуда?

— Да что ты ему объясняешь, Ишмат, то есть Френсис? — вмешался Аламазон. — Я им вон объяснял-объяснял, а они... — Он махнул рукой. — Лазутчики мы. Из этой вашей... Змеиной пещеры.

— Почему же вас так странно одели? — улыбнувшись, старик снова дотронулся до тенниски Кйимата. — Лазутчиков как раз одевают так, чтобы было незаметно, откуда они.

— По-моему, это здесь все странно одеты, — пожал плечами Аламазон. — Как... как в средние века. Да! — он приободрился от этой мысли.

— Я видел на картинах и иллюстрациях такие вот сапоги, как ваши, — он показал на сапоги Хумо Хартума, они тоже загнуты сверху. И шаровары такие же, и все-все!

— А мне кажется, — старик все еще с любопытством изучал их лица и внешность, — мне кажется, что вы пришли из белого света.

— Интересно, что он подразумевает под этим — «белый свет?» — шепнул Аламазон.

— Да, мы пришли сверху... — Ишмат жалобно заглядывал в лицо старику. — Не знаем мы никакой Змеиной пещеры. Отпустите нас!

— Белый свет... — прошептал старик. — Неужели я дожил до этого?

Он завел мальчишек в дом, сел, показал мальчикам, что они тоже могут сесть.

— Вот что, — заговорил он после недолгого молчания. — Если хотите, чтобы я вам в чем-то помог, расскажите мне по порядку, ничего не скрывая. Если не хотите довериться — ваше дело. Но то, что вы люди из белого света, такая же правда, как вечность Матери-Звезды.

Он торжественно положил руку на переплет растрепанной книги.

Присмотревшись, Аламазон увидел, что переплет этот не похож на обычный — он из кожи какого-то животного и украшен дорогой застежкой из серебра. Листы же похожи на те, которые они видели в музее, куда их водили на экскурсию. Их как-то странно называли... кажется, «пергаментом?» И это еще больше убедило его, что они с Ишматом, пройдя чуть не сквозь скалы, попали не только в другое государство, но и в другую эпоху. Только вот какое здесь время? Какое столетие? Расспросить бы этого странного старика, который с таким волнением смотрит на них, ожидая ответа, а может быть, и рассказа.

— Да, господин Хумо, мы дети белого света.

У Хумо Хартума даже слезы выступили на глазах.

— Расскажите, какой он. Есть ли там звезда по имени Солнце, какой правитель владеет Джиндагаром, сохранялись ли еще там книги, в которых описываются деяния людей и их история! Все расскажите, что знаете!

И мальчики, все более увлекаясь, стали говорить о своем кишлаке Таштака, о Кочкарсае, который падает с гор, и о том, что больше нет владык в их родном краю всем владеет народ.

Хумо Хартум жадно слушал, иногда недоверчиво повторял: «А вы не обманываете меня, старика?» — таким неправдоподобным казался ему рассказ об изображении, которое передается по воздуху, об аппарате, который позволяет людям, находящимся вдали, слышать друг друга, о пучке света, который режет самые прочные металлы...

— Я верил, что сюда когда-нибудь доберутся люди из белого света — так называется в старой книге, — он взглянул на полку, — земля наших предков. Поэтому, как только меня отправили в ссылку, я перебрался сюда, поближе к Горячей пещере. Ведь именно отсюда пришли в Юлдузстан первые жители нашего подземелья...

— Так это страна называется — Юлдузстан?

— Да, страна звезд... Наверно, потому, что все, кто давал названия, думал о покинутой ими земле, где, как я знаю, светят настоящие звезды. И вы ведь тоже пришли оттуда...

— Да, оттуда, — сказал Аламазон таким тоном, будто он шел специально в страну Звезд и вот нашел ее.

— Ну и слава ослу-создателю! — дрожащим голосом сказал старик и тут же махнул рукой. — Привычка — вторая натура. Я тоже всю жизнь, как и все в этой стране, вынужден был делать вид, что поклоняюсь этому животному.

— Какому животному? — Аламазон, не понимая, уставился на старика.

— Ослу, кому же еще!

Ишмат при этих словах многозначительно посмотрел на друга, словно говоря ему: «А в своем ли уме этот Хумо Хартум?»

— Я вижу, вы удивляетесь. Потом, когда все вам расскажу, поймете что к чему.

Не докончив, Хумо Хартум встал.

— Сначала хочу угостить вас. Гости, прибывшие в нашу страну из белого света, не должны сидеть здесь голодными.

Лицо Ишмата просияло.

— Нет, он вполне нормальный! — с радостью шепнул он Аламазону, когда Хумо Хартум скрылся за дверью.

Вскоре хозяин дома возвратился. На достархане появились хлеб, варенье, мясо, абрикосы и сухие фрукты, а также три пустые чашки из красноватой глины и большой кувшин, наполненный коричневой жидкостью. Этот холодный напиток напоминал своим вкусом смесь райхона и душицы и был очень вкусен.

Гости не заставили себя долго ждать, особенно Ишмат. Он буквально за считанные минуты справился с большим куском мяса — оно было сладковатым, затем принялся за варенье, запивая все это большими глотками напитка. Аламазон, хотя тоже проголодался, ел не спеша, пытаясь определить, что за фрукты им подали. Тем не менее не прошло и десяти минут, как на достархане остались одни крошки. Сухофрукты мальчишки съели быстро — от них не осталось ничего.

— Мы, может быть, съели все, что у вас было? — только теперь, насытившись, Аламазон почувствовал неловкость.

— Хоть я и в дырявом халате, но могу прокормить десяток таких гостей, как вы, — улыбнулся хозяин. — Сейчас покажу вам свое хозяйство. Заодно и поговорим обо всем дальнейшем.

Вслед за стариком мальчики вышли из дома — этот дом скорее напоминал хижину. Крыша его была из листьев, очень похожих на пальмовые, но ничего похожего на пальму вокруг не росло. Зато росло множество кустов, пышных и покрытых нежными зелеными листочками. Хумо Хартум показал на них и пояснил, что если опустить эти листочки в холодную воду, то спустя некоторое время можно получить тот вкусный напиток, который они пили.

— У нас он называется «чай», — сказал Ишмат.

Он быстро, на ходу, нарвал зеленых листочков. Кто знает, что могло случиться, а этот напиток в самом деле подбадривает словно настоящий крепкий чай. Вскоре наши путешественники миновали кусты и вышли к долине, которую видели, когда впервые вышли из Горячей пещеры. Хумо Хартум вывел мальчиков в поля, сплошь засеянные пшеницей. Выяснилось однако, что пшеницу здесь не сеют — она растет сама, нужно только вовремя ее убирать.

А когда вернулись к хижине, старик повел их к ручной мельнице, показал, как молот пшеницу. По виду она была совсем как земная, только зерна в два-три раза больше.

— Это потому, что здесь всюду горячие источники, — пояснил Хумо Хартум. — Возле нас тоже есть такой.

И впрямь — в кустах, скрытый длинными ветвями, дымился родник.

— Им пользуются, когда нужно сварить мясо или птицу. Поэтому в домах нет очагов.

— А если нужно испечь хлеб? — спросил Ишмат.

— А хлеб я пеку вот здесь, — старик показал на зеленоватую каменную глыбу. — Она тоже горячая, потрогайте.

Ишмат опасливо прикоснулся к камню и живо отдернул палец. Но это не охладило его пыл. Все, что касалось еды, очень интересовало Ишмата-Френсиса:

— А мясо где вы берете, господин Хумо?

— Скота я не держу, — ответил тот. — Зато здесь много птиц.

— А фрукты откуда?

— А там, за полями, фруктовые сады. Будет время посмотрите.

— Да-а, — Аламазон еще раз огляделся вокруг. — Вот тебе и

подземная страна! Кто бы подумал, что такое бывает!

Старик печально улыбнулся.

— Только вот как вы обходитесь со всем этим зимой? Где храните зерно? — продолжал неугомонный Ишмат.

— Зима? А что это такое? — удивился хозяин.

«Неужели здесь не бывает зимы?» — удивился Аламазон, потом стал объяснять тоном опытного учителя:

— Зима — это морозы. Воздух становится холодным, замерзает земля, деревья роняют все листья, а мелкие животные прячутся в норы. Люди тоже одеваются потеплее, потому что иначе они замерзнут, превратятся в ледышки.

— У нас есть не только горячая, но и холодная вода, Хумо Хартум начал обстоятельно рассказывать. — Но у нас все растения цветут и плодоносят круглый год. Если в поле погибает один стебель, рядом тут же появляется другой. Если же с дерева падает лист, на его месте появляется набухающая почка.

— Ну и чудеса! — протянул Аламазон. — Не удивлюсь, если сюда будут гурьбой стекаться люди, едва узнают о такой удивительной стране! Только бы нам выйти отсюда!

— Не спешите, — мягко сказал Хумо Хартум. — Вы еще только прибыли сюда и не успели ничего узнать об истории нашего Юлдузстана, о его обычаях и порядках.

— Боюсь, что мы слишком скоро все это узнаем в лапах вашего начальника тайной службы, — пробормотал Аламазон.

— До того, как прибудет новая стража, у нас два с половиной дня. За это время можно будет что-нибудь придумать, мои уважаемые гости! А пока...

Он показал им на небольшой деревянный помост над ручьем, который начинался у родника. Вода там уже была чуть теплая, и ветви чайных кустов обвивали ее со всех сторон.

— Сюда я часто прихожу думать, — Хумо Хартум пододвинул гостям порядком изодранные паласы и сам уселся на один из них. — А теперь слушайте...

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Пока в старой каменной хижине случайно не обнаружили книги Равшани «Гурбатнамэ», что значит «Книга скорби», Хумо Хартум и не подозревал, что огромная пещера, в которой он родился и вырос, — всего лишь часть огромной Вселенной.

Но древний автор по имени Равшани страница за страницей описывал, как на селение Таштака, живущее мирной, спокойной жизнью, внезапно напали чужеземцы. Селение было предано огню, все его жители либо погибли, либо были уведены в плен. Спаслась только горстка людей. Это были пастухи, пасущие стадо на склонах горы.

С замиранием сердца смотрели они, как в течение нескольких часов погибло все, что с таким трудом было создано несколькими поколениями: дома, имущество, поля и сады. Равшани привел слова из древней Авесты, словно повествующие о том, что он видел сам спустя столетия:

О Митра, обладающий широкими пастбищами!

Быстрых коней наших. Митра, враги уведат.

Наши сильные руки ножами, о Митра, лишают мощи,

Нас повергают ниц...

Равшани был стариком, остальные из тех, что спаслись от смерти, были дети. Ночь провели они в горах, но наутро и их увидели безжалостные чужеземцы и бросились за ними в погоню, осыпая тучей стрел. Израненные, обезумевшие от страха дети и с ними стадий Равшани бежали в горы. Все дальше и дальше углублялись они в подземные пещеры, все ниже и ниже опускались в подземелье.

Когда же они прошли сквозь радужную пещеру, сверкающую всеми красками и ослепляющую своим блеском, вдохнули прозрачный, чистый воздух нынешнего Юлдуз — стана, они впервые поняли, что опасность миновала.

Старый Равшани, низкорослый и худой старик, замыкал шествие. Впереди же шел четырнадцатилетний мальчик по имени Джабраил. На спине он нес четырехлетнего Мадумара — брата своей сверстницы. Остальные плелись за ними, задыхаясь от жары и громко плача от страха.

На первых порах беглецы испытали много невзгод, и если бы не мудрая помощь Равшани, вряд ли бы выжили. Он учил их, как месить тесто из пшеницы, росшей на полях, варить мясо в роднике, искать яйца диких птиц.

Шли годы. Дети подросли, и советы старика казались им уже ненужными. Равшани, прежде руководивший всей жизнью беглецов, постепенно уходил в тень, основные же распоряжения давал Джабраил. И когда однажды Джабраил заявил, что он хочет быть падишахом этой страны, никто не удивился, только Равшани пробормотал:

— Стоило убегать от власти земного падишаха, чтобы попасть под власть подземного...

Но его грубо оборвали, и Равшани поспешил уйти в свою хижину и с тех пор жил там одиноко. Он задумал написать книгу обо всем, что пережили первые поселенцы страны, чтобы их потомки знали о своей родине, теперь такой недостижимой.

Новый падишах, наоборот, запретил вспоминать о земле, откуда они бежали. Он боялся, что любознательные потомки откроют, дорогу в белый свет и кончится его власть. Годы сделали свое дело, и только смутные легенды говорили о Горячей пещере, откуда могут прийти неожиданные гости, представляющие опасность для Юлдуз — стана.

Но в тишине своей хижины забытый всеми Равшани делал свое дело. Он искал возможность передать потомкам правду. Из кожи телят в скором времени он научился делать тонкие листы, на которых, если выскоблить их добела, можно было писать. Равшани раньше не думал, что он способен на такой подвиг, ведь и книгу-то он видел только издаലെка, а буквы алфавита изучил, когда мальчиком прислуживал в доме муллы и прислушивался, когда мулла обучал своего племянника. Потом забыл о грамоте, но в изгнании, в подземных пещерах ожило то, что казалось навеки погребенным в его голове. И он не только писал книгу, но и стал учить детей грамоте, рассказывая им о древних мудрецах, об Авесте — великой книге, созданной в незапамятные времена.

Вскоре он умер, но завещал свою книгу лучшему ученику. А тот

предал его — он принес книгу во дворец, отдал ее визирю Мадумару. Мадумар не питал зла к Равшани, но ему тоже не хотелось, чтобы что-то менялось в налаженной жизни. И он приказал спрятать ее в самом дальнем углу дворца, в комнате, где постепенно скапливались старые, никому не нужные вещи. Потом ее выбросили, и если бы Хумо Хартум случайно не нашел ее, так она и пропала бы без вести.

...Рассказывая все это, старик прижимал книгу к груди и любовно гладил тонкими пальцами старые, заскорузлые страницы.

Потом он рассказывал о столетиях, прошедших с того времени, когда в Юлдузстане появились первые поселенцы. И, наконец, Хумо Хартум перешел к более близким временам.

КРАХ ДИНАСТИИ БРИТОГОЛОВЫХ

Сам он родился и вырос в годы правления Алияра Четвертого из династии Бритоголовых. Ютец Хумо Хартума занимал должность главного сыщика, поэтому они жили в одной из лучших комнат Алтынсарая, пользовались многими привилегиями, предоставленными самим владыкой. Хумо был ровесником Алияра Пятого — единственного наследника трона. Учил их, как и всех детей придворных, один и тот же учитель, и мальчишки иногда даже играли вместе.

Вот почему, едва Алияр Пятый стал владыкой страны, Хумо Хартум был тут же назначен на должность главного визира. И хотя ему исполнилось, как и Алияру, всего двадцать один год, он отличался степенным, спокойным характером и умел делать свое дело мудро и рассудительно.

Почти сорок лет Хумо Хартум состоял в этой должности. За это время в Юлдузстане многое изменилось к лучшему: справедливее стали делить урожай, дети простого народа обучались грамоте.

Юлдузстан состоял из двух провинций — Змеиной и Пламенной пещер. Их разделяла гряда высоких и голых вершин, подобных огромной каменной стене. Пробраться из провинции в провинцию можно было только через тоннель, называемый Черной дырой.

Зерно, мясо, фрукты и конопля были главным богатством страны.

Золото и многочисленные камни, которые на Земле считаются драгоценными — рубин, бирюза, аметисты, алмазы — считались в Юлдузстане материалом, годным только для украшения зданий. Вот почему даже хижина Хумо Хартума, живущего в стороне от городов, была украшена узорами из алмазов, ослепительно сиявших в свете планет.

Самым ценным товаром считалась конопля. Она росла только с края долины и все попытки посеять ее в другом месте не увенчались успехом. Поэтому пучки конопли употреблялись вместо денег: ведь именно из конопли ткали тонкие и грубые полотна, в которые одевались жители страны. Выбеливали полотна долго и сложно, вот почему только падишах и придворные могли носить одежды белого цвета.

У Алияра Пятого долго не было детей. Его жена Мастан-ханум была сестрой главнокомандующего Бурбулита Идриса Ибрагима и ее коварство и злой характер были всем известны. Потому Алияр Пятый в конце концов взял себе и вторую жену — молодую и красивую Рузван-ханум, сестру наместника Змеиной пещеры Надыма Улуга.

Но по воле слепого рока, как только стало известно, что молодая жена ожидает наследника, то же самое объявила и старшая.

Оба сына родились почти одновременно. Старшего из сыновей нарекли Фonus, а младшего — Феруз.

Через два года Рузван-ханум родила девочку. Старшая же, Мастан, всю свою любовь отдала единственному сыну, Фonusу.

Возле старшего сына падишаха всегда был рой слуг, и он рос ленивым, капризным и жестоким, как мать. Ему было лень умываться, одеваться утром, раздеваться вечером, хотя и это делали за него слуги; он ленился даже переворачиваться с боку на бок. Учителя мучились с ним: он не мог запомнить простейших действий арифметики.

Что же касается упражнений, укрепляющих тело, то заставить его заниматься ими не смогла даже мать.

Феруз, наоборот, был сдержанным, воспитанным и старательным. Его красноречие и зоркость удивляли даже зрелых мужей. В десять лет он метко посылал стрелы в кольцо, а в одиннадцать лет научился

ловко и грациозно фехтоваться.

Сестра же его Хазина своей ласковостью и скромностью заслужила любовь всех дворцовых слуг.

Когда сыновьям исполнилось по двенадцать лет, Алияр Пятый неожиданно умер. И сразу же началась ожесточенная борьба за трон. Хотя падишах при всех выразил свою волю, назвав будущим наследником Феруза, главнокомандующий Бурбулит Идрис Ибрагим взял сторону своего племянника, утверждая, что Феруз моложе Фонуса на три дня, и, следовательно, судьбу страны нельзя поручать такому молокососу. Ловкая и хитрая Мастан тоже не жалела сил на подкуп высших сановников Юлдузстана.

Главный визирь Хумо Хартум Али Абдурахман, наместник провинции Змеиная пещера Надым Улуг и военачальник этой провинции потребовали исполнить волю падишаха. Но приверженцы Фонуса были более организованы. К ним присоединился начальник тайной службы Фискиддин Фискал, главный казначей Шаламан Шалдир — Бубен, и многие другие, подкупленные или запуганные.

Рузван-ханум с сыном была изгнана, она ушла к своему брату — наместнику Змеиной пещеры, который, в свою очередь, объявил, что никогда не подчинится самозванцу Фонусу — войск для этого ему хватит!

Так впервые в истории Юлдузстан разделился на два самостоятельных государства, враждующих между собой.

— Так мы, выходит, на территории Пламенной пещеры?

— Да, — вздохнул Хумо Хартум. — И это очень печально. В провинции Змеиная пещера живет все-таки лучше. И он снова вздохнул.

— А почему дали такие названия пещерам — Змеиная, Пламенная?

— Дело в том, что, как вы убедились, здесь почти всегда бывает светло, тепло. Наши планеты создают такой климат, при котором нет зимы, как вы называли холода. К тому же здесь все блестит — как пламя, которому еще до водворения сюда поклонялись наши предки.

— А Змеиная?

— В Змеиной пещере холоднее. Кроме того, она похожа на

длинную изгибающуюся змею — стены ее и справа, и слева видны невооруженным, глазом. А основанием, больше всего послужило то, что один из первых поселенцев умер, укушенный змеей, и произошло это именно в той провинции. Вы же помните, я говорил вам, что сначала жителей были считанные единицы, и смерть, каждого была большой бедой для остальных. Потом уже, когда народу стало много, жизнь человека перестала рассматриваться как величайшая ценность. И теперь здесь, у нас, она вообще ни во что не ставится. Грязнуля Первый за несколько лет своего правления довел страну до полного безумия.

— Грязнуля Первый, говорите? — спросил Аламазон. — Кто это?

— Да все тот же — сын Алияра Пятого Фonus, — грустно улыбнулся старик. — Он сам выбрал себе такое имя, и оно действительно подходит к нему как нельзя лучше. Грязь сейчас — первый признак воспитанного, а главное преданного человека.

— А вы сами? Ведь вы и умываетесь, и в доме чисто? — подал голос Ишмат.

— Так ведь я считаюсь здесь сумасшедшим. И недаром: мог ведь войти в милость к новому владыке, тем более, что он очень нуждался в моих советах. Даже надменная Мастан хотела, чтобы я остался. И все же... Я выбрал изгнание!

Он горестно помолчал, вспоминая прошлое.

— Ну а сейчас, мои дорогие ребята, пора ложиться спать. Я вижу, у вас глаза слипаются. Назавтра я расскажу вам, как случилось, что народ, всегда любивший чистоту, потерял себя по воле невежественного правителя.

Он уложил мальчиков спать, а сам еще долго сидел на пороге хижины, вспоминая и вспоминая события своей долгой жизни.

СТРАНА ГРЯЗНЫХ

В день, когда была изгнана свита Феруза, мать будущего падишаха не помнила себя от радости. Она собственноручно взялась причесывать и приглаживать своего Фonusа, изливая на него потоки материнской нежности.

— Завтра тебя объявят владыкой, Юлдузстана! — радовалась она. — А ведь я было советует уж думала, что навсегда останусь в стране в роли бесплодной матери, отверженной ради молодой красавицы! Но нет — родился ты, и я с самой первой минуты знала, что никому другому не дам занять трон! Завтра, когда начнется церемония, все будут тебе кланяться. Стой с высоко поднятой головой!

— Все будут кланяться? И дядя тоже? — радостно спросил Фonus.

— Бурбулит? Если прикажешь, он будет целовать тебе ноги!

Это наполнило юного владыку восторгом. Он побаивался своего надменного и холодного дядю.

— Раз я теперь владыка, — заявил он, — все будет по моему!

И когда мать напомнила, что нужно сегодня же сходить в баню, чтобы завтра на церемонии быть чистым, умащенным благовониями, Фonus тут же восстал против этого:

— Мыться я не буду!

— Будешь! — сурово сказал вошедший Бурбулит. — Раз надо, так надо! И не вздумай брыкаться!

— Иди занимайся своим делом! — вдруг отрезал Фonus. — Вот заставлю целовать мне ноги, тогда узнаешь, кто здесь падишах!

Бурбулит оцепенел. В первую минуту он готов был показать племяннику, кто здесь властелин. Но тут же подумал, что опасно восстанавливать против себя мстительного, вспыльчивого мальчика, которого завтра объявят падишахом. Не может же он, Бурбулит, сам объявить себя владыкой. Но как он ошибся, думая, что сможет управлять этим сосунком!

— Что вы такое говорите, племянник? — вкрадчиво перешел на «вы» Бурбулит. — Неужели нельзя и сказать по родственному? Хотите — мойтесь, хотите — нет.

— Нет! Мыться — не желаю!

— Молодец! Вот это действительно гнев владыки! Бурбулит с деланной улыбкой повернулся к сестре. — Вот увидите, дорогая сестра, что из моего племянника получится такой владыка, которого еще не видел наш Юлдузстан!

Эти слова понравились Фonusу.

— Ну что ж, мне нравится, как вы стали говорить.

Может быть, завтра оставлю вас командующим всеми войсками!

— Сын мой, вы не должны забывать, чего стоило вашему дяде возвести вас на трон! — умильно заговорила Мастан. — Сколько мы старались, а вы говорите «может быть!»

— Пусть не суется ко мне со своими умываниями!

— Он хотел как лучше, — уговаривала мать будущего владыку. — Чтобы не смеялись над вами во дворце!

— Ах так? — закричал на всю комнату Фonus. — Они не смеют даже подумать о том, что могут смеяться над падишахом! Я сам им стану указывать и смеяться! По-смотрим, что они заговорят, когда сами станут немывтыми и грязными!

С этого он и начал. Сразу после торжественной церемонии во всеуслышание объявил:

— Все бани, имеющиеся в провинции, — уничтожить!

— Как уничтожить?! Что за польза от этого будет государству? — присутствующие дружно ахнули... Но новый падишах прервал их возражения:

— Мало этого: с завтрашнего дня во дворце не должно быть ни одного чистого человека. И чтобы показать всем, что это навечно, я беру себе новое имя. Отныне я буду называться Грязнулей Первым. Первым! Никто до меня не осмеливался ввести новые порядки, а я введу. Меня навсегда запомнит история!

— Но грязь приносит болезни и лишние смярти, — возразил один из придворных.

— Отрубить ему голову! — приказа новый падишах.

— Можешь отрубить голову и мне, о владыка, — склонился перед Грязнулей первым Хумо Хартум. — Но я скажу то же самое...

Несколько мгновений в огромном зале стояла тишина. Визирь и Грязнуля Первый смотрели в глаза друг другу.

— Тебе, сумасшедший старик, я не отрублю голову, сказал наконец падишах. — Ты много сделал хорошего для моего отца. Но отныне ты навсегда удалишься в изгнание! А главным визирем станет мой дядя — Бурбулит Идрис Ибрагим!

Новый главный визирь не сопротивлялся прихоти владыки. И вскоре на всех площадях и улицах глашатаи объявили о новом указе:

— Эй, люди, слушайте! Умные и невежи, обиженные и счастливые, чабаны, нюхающие навоз, женщины, нюхающие цветы, не говорите, что не слышали. Наш милостивый падишах, проявляя большую заботу о своих подданных, с сегодняшнего дня освободил их от необходимости мыться и купаться. Кто будет отвергать эту милость, будет арестован и наказан палками. Чистые, как опасные бунтовщики, будут заключены в темницы. Эхе-хей!..

В эту ночь придворные почти не спали. Они изощрялись в том, чтобы назавтра во время приема выглядеть как можно более грязными. Один разрисовывал себя сажей, второй цеплял на чалму паутину из кладовой, третий натирал лицо тиной...

Словно вороны, уставшие разгрести навоз, явились они назавтра во дворец. Увидев их, Грязнуля Первый расхохотался:

— Вот теперь я сам могу посмеяться над вами!

Бурбулит Идрис Ибрагим, сидящий по правую руку падишаха, кисло ухмыльнулся. Надо сказать, что он очень любил мыться в бане, и его баня была вся из мрамора, с горячей и холодной водой, с многочисленными наборами для ухода за телом: щипчиками, ножницами, притираниями. И все это пришлось уничтожить! Правда, он оставил для себя, прикрыв всяким хламом, комнату, где остался один маленький хауз, рассудив, что не обязательно раздеваться перед племянником, чтобы показать свое грязное тело. Достаточно будет просто не умывать лица.

— Если разрешите, я прочту свою газель по случаю вашего восшествия на трон, — поклонившись падишаху, к трону приблизился придворный поэт Дутари.

Он был разрисован не хуже остальных и угодливо гнул перед владыкой, хотя в былые времена даже сочинял эпиграммы на ленивого и неповоротливого Фонуса.

— Газель? Читай! — сказал Грязнуля Первый, удобно усаживаясь на троне.

Достав из чалмы свиток, Дутари развернул его и, прочитал первые строки.

Как красива ваша немытая кожа — остановился «поэт», ожидая, как всегда, похвалы.

Но все молчали. Как отнесется к Дутари владыка?

— Неплохо! — сказал Грязнуля Первый, и все оживились, задвигались, стали громогласно выражать свое восхищение.

И немые щеки прекрасней всех тоже!

На этот раз крики одобрения раздались смелее. «Браво!» воскликнул Бурбулит Идрис Ибрагим.

— Ну, до плесени еще не дошло, — осмелился шепнуть другу один из придворных. Но тот пугливо отодвинулся и крикнул громче всех:

— Изумительно!

Не нужны умывания мудрецам!

Чистота размышлять не поможет! Вдохновленный общими похвалами, Цутари пел громче и громче, и когда он кончил, Грязнуля Первый бросил ему халат.

Так началась новая эпоха в жизни Юлдузстанз.

Народ, в отличие от знати, трудно привыкал к новому образу жизни. То и дело сыщики приводили в дома стражников, которые хватили хозяев дома на «месте преступления» — те тайком мылись или стригли волосы. Все чаще людей хватили на улице и заставляли раздеваться, потому что многие только делали вид, что подчиняются новому порядку, а сами по-прежнему содержали себя в чистоте.

Вот уже десять лет томится народ, всегда, в самые трудные годы возводящий чистоту в особый культ и поклонявшийся ей.

— Ну, а вы? — спросил Аламазон Хумо Хартума. — Все же почему не уехали в Змеиную пещеру?

— Хотя и я затворник, как видите, — вздохнул Хумо Хартум, — но люди не зарывают меня. Они не могут мириться с тем, что произошло, ищут пути и возможности бороться. И их немало. А еще... «Виновна» и она, — он показал на книгу. — С тех пор как я прочел ее — а это было нелегко, потому что написана книга старинным языком, — я верил, что смогу дождаться людей из мира, который покинули наши предки. И, как видите, верил я не напрасно.

«ОТКРЫТИЕ» АЛАМАЗОНА

— Сопоставив все, что я читал в книге Маджиддипа Равшани, с вашим рассказом, я понял, что путь к белому свету один... — Хумо Хартум, закрыв драгоценные записи, задумался. — Путь этот и впрямь Горячая пещера, через нее все-таки можно пройти. Но вот что мне кажется... И в тот раз, когда Равшани и его спутники юаня, сюда, и в этот — было замечено, что Зеленая глыба над Горячей пещерой раскаляется, а потом слова остывает. Ваш приход и приход первых жителей Юлдустана сопровождался одним и тем же явлением. Случайно ли это?

— А когда она вообще раскаляется? — спросил Алама.

— Через каждые двенадцать лет.

— Йе! — присвистнул Ишмат. — Через два месяца кончаются каникулы.

— Но если через двенадцать лет скалы в Горячей пещере вновь раздвинутся, это еще не означает, что путь к белому свету открыт! — Хумо Хартум углубился в вычисления.

— Таблица Маджиддина... — бормотал он. Но потом, отодвинув расчеты, сказал: — Да я без таблицы знаю этот день, как и каждый житель Юлдустана. В этот день даже птицы и звери не находят себе места.

— А как это происходит? — мальчики почувствовали надежду на спасение и слушали Хумо Хартума с особенным интересом. И он опять пустился в объяснения.

Световой поток, идущий из самого яркого светила в Юлдустане, периодически двигался к верхней части сая и, слегка приподнявшись над водопадом, внезапно начинал гаснуть. Но в день Сгорания, как называли день, когда поток этот поднимался выше, доходил до самой Зеленой глыбы. Зарево, стоящее над Горячей Пещерой, бывало таким, словно начинался огромный пожар. Жители прятались по домам, опасаясь выглядывать в окна. Через несколько минут освещение постепенно затухало. И так каждые двенадцать лет.

— Но как может эта Зеленая глыба раздвигать скалы? — недоумевал Аламазон. — И почему это происходит раз в двенадцать

лет?

— Покойный дедушка говорил, что человек через каждые двенадцать лет проходит один свой мучал⁷, — сонно вставил Ишмат. По своему обыкновению, когда речь заходила о числах или тех или иных явлениях природы, он начинал дремать. Вот и сейчас — пока Хумо Хартум и Аламазон увлеченно спорили, пытаясь разгадать тайну Зеленой глыбы, он калачиком свернулся на паласе и сладко дремал. Аламазон сразу же вспомнил разговор стариков у чайханы, который он однажды подслушал:

— Когда-то аллах пригласил к себе в гости всех зверей, — рассказывал один из них. — Но смогли явиться только двенадцать. И аллах одарил их — назвал каждый год именем одного из этих зверей. Вот почему есть год Мыши, Коровы... Даже зайцу достался год!

«Да-а-а, — думал сейчас Аламазон. — Конечно же, этот животный цикл и то, что Горячая пещера каждые двенадцать лет раскрывается, как-то связаны между собой! Но как? И по какому закону происходит раскрытие Горячей пещеры? Может, здесь действует эффект ферромагнитных сплавов? Эх, сколько на Земле непознанных чудес, и все они только и ждут, пока ими займешься!»

Аламазон чувствовал в себе столько сил, что не сомневался: рано или поздно загадка Зеленой скалы не устоит перед его напором. Но пока — что же делать дальше?!

Да, что дальше? Чем больше Аламазон думал над этим, тем меньше надеялся, что им удастся выбраться отсюда.

— А что Вы говорили о Звезде-матери, когда мы только пришли к вам? — спросил он старика.

— Да, у нас есть такая Звезда. Я завтра покажу ее вам.

...Проходил уже третий день. Мальчики вместе с Хумо Хартумом целый день добирались до места, где должна была находиться Звезда-мать. Должна — потому что светила она неравномерно, и заметить ее можно было только в сумерки. На серо-голубом потолке — мальчики знали теперь, что это не небо, а всего лишь стены и потолок пещеры, сверкавшие драгоценными камнями, — они заметили небольшое

⁷ Мучал — двенадцатилетний цикл летоисчисления. Каждый год этого цикла носит название животного — мышь, корова, тигр, заяц, рыба и так далее.

мутное пятно.

— Вот она, Звезда-мать, — молитвенно сложив руки, прошептал старик.

Аламазон и Ишмат с любопытством смотрели вверх.

«А может быть, — мелькнуло в голове у Аламазона, — может быть... это вовсе и не звезда, а отверстие? Да-да, отверстие в пещере, которое выходит на поверхность? Но как добраться до него? Это невозможно! Если даже поставить тысячу камней один на один, то и тогда не дотянешься до отверстия».

А вдруг и в самом деле звезда окажется дорогой в белый свет? Тогда он, Аламазон, даже не думая об этом, совершил открытие. Да-да, открытие! Ведь когда земные ученые узнают об этом, они смогут снарядить сюда экспедицию. Сверху сюда спуститься будет легче, чем выбираться на белый свет снизу.

И он задумался об экспедиции, о людях, которые вслед за ним и Ишматом увидят этот загадочный мир...

Ночью он не мог уснуть. Наверно, солнце заглядывало в это отверстие только в горячие дни лета. Стены пещеры тогда освещались и сверкали ослепительным блеском недаром одна из пещер носит название Пламенной. Древние строители каким-то образом научились аккумулировать свет, сохранять его запасы — вот отчего у них светятся похожие на земные звезды. И Зеленая глыба... сгорающая и возрождающаяся каждые двенадцать лет... Может быть, она состоит из какого-то особого вещества?

Он не хотел думать о том, что они с Ишматом могут попросту застрять здесь, в подземелье, и хорошо, если будут просто жителями страны, а не пленниками. Неизвестно также, как примут их во дворце Грязнули Первого. Сама мысль о том, что он, ученик седьмого класса, должен будет зависеть от какого-то грязнули, была ему невыносима. Да и вообще все это казалось попросту нереальным; падишах, дворец, подданные...

Он уснул только под самое утро, остро завидуя Ишмату-Френсису, который тихо похрапывал во сне и причмокивал губами, словно ему снилось, как он лакомится вкусными вещами. Мелькнула у него напоследок мысль об осле, который здесь, в этой странной

стране, стал предметом поклонения, но он решил не думать еще и об осле, справедливо решив, что загадок им с Ишматом-Френсисом хватит и без этого...

КАК ОСЕЛ СТАЛ БОГОМ

Когда Хумо Хартум и его гости заканчивали завтрак, донеслось знакомое «Хих, тьфу!» Тьрттыка.

— Быстрее собирайтесь, негодники! — крикнул он с порога. — Отправляемся в путь, хоп-па!

— Хоп-па! — повторил Шылпык.

Аламазон и Ишмат неохотно вышли во двор. С ними вместе, к удивлению стражников, решил отправиться и Хумо-Хартум.

— Переезжаю в Пламенную пещеру! — объявил он. — Здесь мне больше нечего делать.

— Неужели это они тебя научили уму-разуму? — буркнул Тьрттык.

— По мне, живи где хочешь.

— Хоп-па! — как эхо повторил за ним Шылпык.

Они пошли по берегу сая. Пройдя мимо кустов чая, фруктовых садов и полей, они вышли к Черной дыре и остановились отдохнуть под раскидистым деревом, похожим на чинару.

Тогда Ишмат нерешительно попросил Тьрттыка:

— Разрешите мне сходить вон за тот холмик?

— А что ты там забыл?

Ишмат умоляюще погладил свой пухлый и круглый, как арбуз, живот.

— А-а, понятно! — ухмыльнулся к Шылпык. — Ладно, иди! Хоп-па!

Не успел Ишмат скрыться за холмиком, как к путешественникам приблизился головастый, в грязной чалме коротыш, таща за собой саблю. Это был Кандыр, глава стрелков, которые охраняли тоннель. Стражники поспешно встали и, кланяясь, объяснили, что они сопровождают лазутчиков, чтобы отдать их в руки начальнику тайной службы.

— До чего они чистые, прямо противно смотреть! — сморщился Кандыр-коротыш. — Ну ничего, у нас их приведут в надлежащий вид! А ты, глупый старик, все еще жив! — закричал он на Хумо Хартума.

— Что-то мне знаком твой голос, — невозмутимо отвечал ему Хумо Хартум. — Уж не ты ли, когда я был главным визирем, помнится как-то растирал мне ноги и расхваливал меня на все лады?

— Ну, ты... — начал было Кандыр-коротыш, берясь за саблю, но вынуть ее почему-то не посмел и, тяжело дыша от злости, замолчал.

— Это же сумасшедший, хих-тьфу! — льстиво заговорил Тыртык, сплюнув в сторону. — Не обращайтесь на него внимания!

— Так оно и есть — сумасшедший! — согнувшись еще ниже, подтвердил Шылпык.

Кандыр-коротыш успокоение посмотрел вокруг и, достав из-за пазухи маленькую тыкву для наса, высыпал на ладонь щепотку и предложил Тыртыку угоститься.

Тыртык, осторожно взяв наса и положив его под язык, восхищенно уставился в тыквушку, окаймленную перламутровыми пластинками и резьбой.

— Работа усто Халила, да? — с трудом выдавал он.

— Да, он недавно сделал несколько таких, но ни одна полностью не повторяет вторую. Вот только эта — точная копия той, которую я недавно уронил в сай. Усто Халил делал ее по моему личному заказу!

Аламазон наострил уши. Где-то раньше он видел такую тыкву — маленькую, красивую, и запомнил перламутровые пластинки и две маленькие жемчужины на пробке...

Братцы! Смотрите! — завопил вдруг один из стрелков, пришедших вместе с Кандыр-коротышкой. — Он сел...

Он посмел осквернить...

Голос у него осип от негодования. Все оглянулись в сторону холма и застыли. Ишмат, крепко держась за шею осла, сидел на нем, вытянув ноги. Животное, не привыкшее к такому обращению, брыкалось и пыталось лягнуть неожиданного всадника, но Ишмат ударами кулака принуждал его двигаться вперед. Не успел никто произнести и слова, как осел сильно взбрыкнул и Ишмат полетел на

землю. Когда он, держась за голову, встал, то увидел, что стражники стоят и остолбенело смотрят на него.

— Держите его! — опомнился Кандыр-коротышка. — Он осквернил священное животное! Смерть ему!

Тогда Шылпык, выступив вперед, обратился к разгневанному коротышке:

— Стойте, хоп-па! Осмелюсь напомнить, что мы должны сдать его живым в руки Фискиддина Фискала.

Это охладило пыл Кандыра. Он только ткнул в Ишмата, перепуганного до смерти, копьём и махнул рукой:

— Ладно, оставьте его. Но только обязательно доложите почтенному Фискиддину и об этом... Пусть покарает его сам Создатель!

— Ну и угораздило тебя! — прошептал Аламазон, когда они снова в сопровождении Тыртыка и Шылпыка отправились в путь. — Говорил же Хумо Хартум, что ишак у них священное животное!

— Да я забыл! — плачущим голосом оправдывался Ишмат. — Увидел ослика и вспомнил нашего длинноухого. На нем, бывало, катаешься, катаешься, и ничего. Ой, быстрее бы нам вернуться! И он опять стал хныкать и вытирать слезы.

Аламазон пристроился к Хумо Хартуму и зашагал с ним рядом.

— Вы обещали рассказать, когда осел стал здесь священным животным.

Старик насмешливо улыбнулся, теребя седую бороду, потом тихо начал свой рассказ. Тыртык и Шылпык, шагавшие впереди пленников, не обращали на них внимания, они стремились быстрее попасть в свои дома.

Как явствовало из рассказа Хумо Хартума, Маджиддин Равшани в своей «Книге скорби» приводил эпизод, когда маленький Мадумар в первые дни своего пребывания в Юлдузстане случайно повстречал старую ослицу. Он был младшим в семье, еще тосковал по соске, и потому, когда ослица легла, осторожно пристроился к ней и начал сосать теплое молоко. Его наказали и забыли об этом. Но впоследствии, когда Мадумар стал визирем, насмешники стали называть его «ослиный сын». Тогда Мадумар объявил осла

священным животным и заставил поклоняться ему.

— А как попала сюда старая ослица? — спросил Аламазон, но старый Хумо этого не знал.

Пока они беседовали, вдалеке показались очертания дворца. Зрелище в самом деле было величественным.

Освещенный звездами-планетами, он переливался миллионами огней — это сверкали драгоценные камни самых разных оттенков. Дорога, выложенная глиняными плитками, стала шире. Появились и дома — высокие, с древними стрельчатыми арками, с куполами, украшенными узорами, с красивыми двориками, оплетенными зеленью желтовато-алых кустов. На мраморных плитах, которые заменили глиняные, стали попадаться изображения то персика пожелание здоровья и благоденствия, то надпись с изречением. Сквозь алебастровые решетки домов смотрели на путешественников жители города — в красных чапанах, тибетейках, кое-где были видны чалмы.

— Есть хочу! — заныл Ишмат. — Давайте остановимся!

— Быстрее, не разговаривать! — подтолкнул его Тыртык. Потом, словно спохватившись, пробормотал:

— Если мы доставим их во дворец в таком виде, как бы нам не попало!

— Да, надо их приготовить! — поддакнул Шылпык.

Они свернули в боковую улицу. Там Тыртык подошел к дувалу и, протянув свою длинную руку, сорвал пучок какой-то травы.

— Ну-ка, натирайтесь! — приказал он.

Ишмат, ни слова не говоря, стал тереть пучком руки и плечи. Кожа его вмиг стала серой и словно присыпанной пылью. Тыртык подал второй пучок Аламазону:

— И ты тоже пошевеливайся!

— Я, пожалуй, останусь здесь, — проговорил Хумо Хартум. — Недалеко отсюда живет мой старинный друг. Я попрошу, чтобы он приютил меня на время. Может, мальчики помогут мне донести узел?

— Ха, у него еще есть друзья! — захихикал Шылпык. — Кому ты сейчас нужен?

— Ты думаешь, все люди похожи на тебя? — насмешливо

улыбнулся Хумо Хартум.

— Не разговаривать! — замахнулся на него копьём Тыртык. — Не хочешь идти во дворец — твое дело, но не мешай нам работать!

Аламазон обратился к старику.

— Не унывайте! У нас еще будут хорошие дни.

— Я не могу идти с вами, — прошептал ему Хумо Хартум. — Но я буду следить за событиями. Если нужно, приду к вам на помощь. А то ведь меня, пожалуй, бросят в темницу, тогда какую пользу я вам смогу принести?

— Ты почему не натираешься? — закричал Тыртык.

— Не буду я натираться всякой дрянью! — Аламазон, видя, что Ишмат стал поразительно похож на серую обезьяну, решил: что бы ни случилось, но в таком виде он не пойдет по улицам этого прекрасного города!

— Аламазон, давай я тебя хоть чуточку оботру! — Ишмат боялся остаться без своего друга, но в то же время страстно хотел уцелеть сам.

— Ни за что!

— Ну так пеняй на себя, — хмуро сказал Тыртык. — Я вижу, тот умнее тебя! — Он показал на Ишмата.

Путешественники пошли дальше. Аламазон заметил, что жители города смотрят на него не отрываясь — наверно, в последнее время не часто приходилось им видеть чистое, открытое лицо! Но и сам он смотрел вокруг с изумлением. Одно дело знать, что Грязнуля Первый запретил людям мыться, а другое дело — видеть это воочию. Зрелище и в самом деле было удручающим — на улицах, выложенных белым и коричневым мрамором, туфом, возле белых алебастровых домов и сияющих куполов бродили грязные, понурые люди. И у него гневно сжались кулаки. Народ, который, по словам Хумо Хартума, был чистоплотным во многих поколениях, дошел до такого состояния!

И он начал думать о наставлениях, которые на прощание оставил ему мудрый старик.

— В первую очередь нужно подумать над тем, как унижить в глазах народа падишаха, как лишить его величия. Это трудно. Ведь столетиями народу внушали, что владыка трона так же священен, как

и сам трон, и тот, кто поднимает на него руку, замахивается на самого бога. Но Грязнулю Первого ненавидят в народе, и если найти верных людей, то все, можно переменить.

И сейчас, приближаясь к великолепному Алтынсараю, Аламазон гордо поднимал голову. Не может быть, чтобы ему не удалось вместе с Хумо Хартумом помочь делу! И не один ведь такой Хумо Хартум есть здесь, нужно только присмотреться, поискать единомышленников.

Думая обо всем этом, Аламазони почувствовал, насколько достойнее вывести целый народ на свободу, нежели одарить несколько десятков, даже сотен людей золотом.

— Держи голову выше, эй, Френсис! — он толкнул Ишмата, шагающего с опущенной головой. — Священный поход продолжается. Впереди — Дворец Грязнули Первого!

ГРЯЗНУЛЯ ПЕРВЫЙ

Весть о том, что пойманы два лазутчика из Змеиной пещеры, очень обрадовала Фискиддина Фискала. Ведь какая прекрасная возможность показать свою деловитость. А то как бы владыка не подумал, что в Юлдузстане можно обойтись без тайной службы. Прощайте тогда все привилегии, доходы — и для себя, и для родных!

— Вот это хорошо, — Фискиддин потирал руки. — Теперь все почувствуют, что без меня не обойтись.

Необходимо было широко оповестить всех о том, что лазутчики обезврежены и пойманы. И подходящий случай предоставлялся: в увеселительной части дворца шел большой пир по случаю того, что у владыки прорезался коренной зуб. Начальник тайной службы поспешил туда. Когда он вошел, поэт Дутари читал последние две строки своей новой газели (все они, без исключения, были посвящены падишаху и приближенным):

Эй, Дутари, зачем любить свою мать,

Грязнуля Первый — опора твоя!

Придворные, сидя у достарханов, вовсю ели и пили, делая остановки, чтобы хором произнести славословие Грязнуле Первому

или похвалить музыку и стихи.

Увидев, что начальник тайной службы демонстративно направился к владыке, всем своим видом словно говоря: «Вы тут пируете, а я занят государственными делами!» Музыканты, которые собирались было заиграть после Дутари, опустили инструменты. Тогда и остальные гости перестали жевать и наострили уши, желая услышать, что за скандальное известие принес сюда Фискиддин Фискал. Бурбулит Идрис Ибрагим, грозно топорща усы, встретил Фискиддина угрожающим взглядом — у как он посмел нести весть владыке, не передав ее предварительно ему, главному визирю?! Но Фискиддин недаром был опытным придворным. Упав перед владыкой и едва не касаясь своей головой его парчового сапога, он заговорил:

— Самый умный и справедливый из всех владык, разрешите пожелать Вам удачи, Вам и священному Ослу кланяется покорный слуга Фискиддин Фискал!

— Ладно, говори, чего у тебя там, — сказал молодой падишах, вытирая нос рукавом.

— По тайному поручению вашего любимого визиря Бурбулита Идриса Ибрагима мною на всякий случай была устроена засада возле Горячей пещеры и Зеленой глыбы. И он был прав — мы поймали двух хорошо обученных и вооруженных неизвестным оружием лазутчиков.

Увидев, что Бурбулит поблагодарил его взглядом и усы его опустились, что означало хорошее настроение, Фискиддин продолжал:

— Поскольку их вторжение могло принести большой вред нашей стране, наши доблестные стражники, задержавшие их, достойны того, чтобы каждого из них одарили тридцатью баранами!

Грязнуля Первый нерешительно посмотрел на дядю. Бурбулит знал, что начальник тайной канцелярии даст каждому стражнику по барану, а остальное возьмет себе. Но разве не так поступал каждый придворный? И он в знак согласия кивнул головой.

— Наградить-то мы наградим, — шмыгнул носом владыка. — Но сперва ты покажи нам этих самых... По знаку Фискиддина сарбазы толкнули в зал Аламазона и Ишмата. Все внимание обратилось на

них. Некоторые, с негодованием показывая на Аламазона, восклицали: «В темницу его!» Ишмат почти не отличался от остальных, и по его адресу выкриков было меньше. Мальчиков подвели к падишаху.

— Так они почти мои ровесники! — заговорил Грязнуля Первый. — И на тебе — лазутчики! Ты... — он ткнул пальцем в Ишмата, — кажешься мне неплохим мальчиком. Почему занимаешься таким делом? Другой работы не нашел, что ли?

Ишмат стоял в замешательстве. Огромное количество снеди привело его в состояние восторга, но страх перед падишахом сковывал его.

— Отвечай, негодяй, хотя ты не стоишь того, чтобы владыка тратил на тебя слова! — крикнул Бурбулит.

— Совсем он не шпион, — вмешался Аламазон, — Вы же видите — ему нравятся ваши порядки, он хочет быть таким же грязным, как и все здесь...

«Эх, пропадай моя голова! — думал он тем временем. — Может, спасу хоть Ишмата».

Ишмат, обрадовавшись спасительной лазейке, которую предложил ему Аламазон, завопил:

— Да, я хочу быть такими, как все здесь! Потому и пришел сюда!

— Значит, вы пришли сюда, потому что услышали обо мне? — с важностью спросил Грязнуля Первый.

— Совершенно верно! — подтвердил Ишмат.

— Вот видите, слава обо мне разносится все дальше и дальше! — горделиво подбоченился юный владыка. — И этот мальчик мне нравится!

Опасаясь, как бы и Аламазон какими-нибудь хитрыми словами не вкрался в милость владыки, Фискиддин Фискал стал кричать на него;

— Ну, а ты, если ты тоже хотел жить в нашей благословенной стране, почему пришел сюда умытым, а? Ты нас не проведешь, подлый чистюля, мы знаем, кто ты таков!

— Я лазутчик, это правда, — чтобы не слышать его визгливого голоса, быстро откликнулся Аламазон.

Начальник тайной службы с облегчением выпрямился и с

надеждой посмотрел на Бурбулита.

Понимая, чего от него ждут, Бурбулит попробовал нажать на племянника;

— И этот тоже врет! Он просто более хитрый лазутчик, — воскликнул он, тыча пальцем в Ишмата.

— Нет, дядя, я чувствую — он из нашей породы! — капризно закричал Грязнуля Первый. И он начал задавать Ишмату вопросы:

— Мыться любишь?

— Нет! — чистосердечно ответил Ишмат.

— Вот видите! — еще сильнее обрадовался владыка, — А учиться?

— Тоже нет!

— А вкусное любишь?

— Еще бы!

— Никакой он не шпион! — все более восхищаясь Ишматом, заявил Грязнуля Первый. И он задал последний вопрос:

— А кто я такой?

— Вы... Вы... самый добрый, самый заботливый... окрыленный благосклонными словами, Ишмат готов был целовать этого грязного, в потрепанной чалме и почерневшем халате мальчишку. — Вы... мой старший брат!

— Негодяй! — закричал Бурбулит. — Ты называешь братом того, кто управляет целой страной. Понимаешь ты, что говоришь, пузатый ты голодранец?

— Не трогайте его! — закричал владыка. — Вы видите — бедняга надеется на меня. И он специально прибыл сюда, чтобы во всем подражать мне. За что же его заключать в темницу?

— Как вы милостивы, о властелин!

Бурбулит умел приспособливаться, он понял, что сейчас нельзя перечить. И он даже заулыбался, глядя, как Грязнуля Первый милостиво протянул руку Ишмату и посадил его по другую сторону трона. Про себя же он решил сделать все, чтобы как можно быстрее стереть этого нового любимца падишаха с лица земли.

— А теперь узнаем планы этого... — владыка кивнул на Аламазона.

— Как его зовут?

— Аламазон, — ответил мальчик.

— С дакими целями ты пришел в страну счастливых, освобожденных от мытья и чистки?

Этот вопрос задал уже начальник тайной службы, который решил, что ему пора приступить к своим обязанностям.

— Чтобы выкрасть нагрудный знак падишаха, — тут же придумал цель Аламазон.

Нагрудный знак — изображение священного осла — сиял на груди юного принца Фонуса, и он невольно тронул его рукой, чтобы убедиться в его целостности и сохранности. — Кто поручил тебе это подлое дело?

— Принц Феруз, — без запинки ответил Аламазон. Он решил, что говорить правду этим людям бессмысленно, все равно ему никто не поверит. А придумав легенду о том, что ему поручили выкрасть нагрудный знак, он тем самым получит отсрочку и избежит долгого и унижительного допроса.

Ишмат смотрел на него с удивлением и смущением. Удивлением потому, что не мог понять, зачем Аламазону возводить на себя напраслину. Смущался же он потому, что Грязнуля ласково гладил его и всячески выказывал знаки расположения, в то время как к Аламазону отнесся сурово и даже враждебно.

— Как же ты собирався это осуществить? — продолжал допрос начальник тайной службы.

— Ночью пробраться во дворец, а там и в комнату падишаха.

Все окружающие заохали от возмущения.

— Теперь вы поняли, уважаемые, насколько он опасен? — обратился Фискиддин Фискал к окружающим. — Он ведь посягнул на главную реликвию государства — изоб — ражение священного Осла! А тем самым и на власть нашего падишаха, ибо известно, что владыка без священного изображения — это почти и не владыка. Но это еще не все. Ведь если бы он забрался в покои властелина, то что могло бы его остановить? Кто может поручиться, что ему не дано задание... — тут Фискиддин Фискал сделал паузу, чтобы все могли по-настоящему оценить значение его слов, — задание поднять руку на самого

Грязнулю Первого!

Придворные закатили глаза от ужаса. Грязнуля Первый завопил;
— В зиндан его! В темницу, и немедленно!

И все подхватили:

— В темницу!

Когда два здоровенных стражника с копьями наперевес вели Аламазона к выходу, Ишмат чуть не расплакался, глядя ему вслед. Хотя именно Аламазон был причиной всех бед, постигших их, потому что затеял это путешествие, Ишмат все равно в глубине души продолжал восхищаться своим отважным другом.

СМЕЛЫЕ ПЕХОТИНЦЫ АЛАМАЗОНА

Сарбазы не очень желали обременять себя лишними трудами. Они не стали возиться с канатной лестницей, а, открыв решетку люка, толкнули пленника вниз. Если бы не куча полусгнившей соломы, мальчик мог бы разбиться. Он с грохотом упал и некоторое время лежал без движений, потом потихоньку пришел в себя.

Темница вполне оправдывала свое название — ничего не было видно вокруг. Аламазон повернулся на бок и стал растирать ушибленную ногу, прислушиваясь.

Чувствовалось, что в темнице он не один. И в самом деле, вскоре раздался голос — оттуда, где сверкали чьи-то глаза.

— Кто ты, эй, несчастный?

Голос был детский, и Аламазон горделиво представился, словно его должны были знать во всем Юлдузстане.

— Смотрите на него! Сам в темнице, а нос — на небе! — снова заговорил тот же мальчишеский голос. — А ну-ка иди сюда. Мне как раз нужно вытереть ноги. Этим хочу сказать, что мы тебе покажем.

— Сначала я вытру свои ноги, — упрямо и спокойно ответил Аламазон. — Теперь кроме глаз он увидел и зубы — они сверкали в темноте, мальчик смеялся.

— Он еще сопротивляется! Если не умеешь приземляться, зачем нужно было летать?

В темнице стало шумно. Привыкнув к темноте, Аламазон увидел,

что здесь находятся еще трое невольников. Несмотря на то, что воздух был спертый и душный и кроме соломы на каменном полу ничего не было, держались они бодро. Старший мальчик, который разговаривал с Аламазоном, подошел к нему:

— Ну-ка, давай поборемя — кто сильнее? Я здесь старший, и ты должен это признать.

— Сначала поборемя, — хладнокровно ответил Аламазон. — И я покажу тебе, на что способен мушкетер из Таштака!

Спустя некоторое время противник его лежал на лопатках. Потом он встал, отряхнулся.

— Ладно, признаю твое первенство! Где это ты так научился?

— Расскажу потом, — Аламазон помолчал. Надо присмотреться к ребятам, понять, кто они такие. И он сразу начал это выяснять. — Лучше давай сперва познакомимся!

Ребята согласились охотно. Выяснилось, что старшего из них, который боролся с Аламазоном, зовут Ушастик — за уши, которые у него действительно велики. Двух остальных — Тапочка и Например. А вообще все это не имена, а прозвища, потому что все трое — сироты, бездомные музыканты, которые зарабатывали тем, что играли на свадьбах. Жили они все вместе в брошенной хижине, все, что зарабатывали, делили меж собой. Однажды не выдержали строгого запрета и стали купаться в сас. Тут-то их и накрыли вездесущие сыщики.

— И таких тут было много раньше, если хотелось плюнуть, надо было встать, — закончил Ушастый. — Но все они — кто получил положенное ему количество плетей и ушел, кто раскаялся. Раскаяться, вообще-то, должны были все, и в знак раскаяния поцеловать ногу Грязнуле Первому. Мы это делать отказались, вот почему нас и не выпускают из этой дыры.

Смелость и упрямство мальчишек понравились Аламазону. «С такими не пропадешь», — подумал ок. Особенно понравился ему маленький Например — быстрый, ловкий, словно зверек, он всегда улыбался и сыпал острыми словечками, то и дело к месту и не к месту вставляя свое «Например», отчего и получил это прозвище. От сырости он прихворнул, теперь сильно кашляет, но не теряет бодрости

и не сетовал на упрямство друзей, из-за которых он сидел здесь.

Тапочка, хотя больше молчал в своем углу и не вязывался в разговоры, был по натуре отважным и прямым и никогда не хитрил. У него была одна особенность — он умел так тихо ходить, что почти невозможно было услышать его шаги, словно ноги его были обуты в бархатные мягкие тапочки. Оттого его так и прозвали — «Тапочка».

Прошло два дня. Ребята совсем подружились. Друзья рассказывали Аламазону о своей жизни и занятиях. Они даже умудрились тихонько, чтобы не слышали стражники, пропеть ему несколько песен, которые особенно охотно распевали в Юядузстане. Обидно было думать, что такой талантливый и трудолюбивый народ вынужден терпеть лишения, подчиняться глупому и избалованному тирану. И Аламазон без конца размышлял, как приступить к делу, с чего начать?

«В первую очередь надо посрамить Грязнулю Первого», — звучали в его ушах слова Хумо Хартума. Но как это сделать?

— Надо выбраться отсюда, — сказал он на следующее утро. — Любыми путями, но выбраться.

— Думаешь, до тебя это не пытались сделать? — спросил Ушастик.

— А если даже сбежим, куда пойдем отсюда? — подал голос Тапочка. — Везде сыщики. Нас мигом поймают!

— Да, если будем стоять, открыв рот! — быстро заговорил Например. — А если подумаем, например, то можно и найти. Вон хотя бы тот подземный лаз! Колодец Уракудук помните, например?

— Браво, Напримерчик! Этим хочу сказать, что ты молодец! — закричал Ушастик.

— Тише! — одернул их Аламазон. — Стражники услышат, и все наши планы провалятся!

— Правда! Тише едешь — дальше будешь. Этим хочу сказать, что переждать какое-то время в колодце стоит, сказал Ушастик.

Как-то, когда бродячие музыканты возвращались со свадьбы темным вечером, Тапочка одной ногой провалился в какую-то яму. Утром они обследовали ее. Это оказался древний колодец-лаз, ведущий куда-то в подземелье. Они исследовали довольно большой

отрезок этого лаза, обнаружили там место, где могли прятаться люди. Обнаружили, поиграли немного и совсем забыли об этом. Правда, на всякий случай, когда уходили, завалили вход каменной глыбой.

— Тогда чего же нам ждать? — обратился ко всем Аламазон. — Пока нас за уши выволокут отсюда и заставят целовать ноги? Или проткнут копьями?

— Да, но ногами не выкопаешь проход! — возразил Ушастик.

— А если нам встать на плечи друг другу? — подал идею Аламазон.

— Как это, например? — не понял Например.

— Ну, вот самый большой из нас — Ушастик — встанет покрепче и будет держаться за стену. Потом Тапочка встанет на его плечи, а я на него.

— А почему это ты должен стать на мои плечи? — подозрительно спросил Тапочка.

— Ну, пусть будет наоборот! — рассмеялся Аламазон. — Ты встань на мои. Но помни: чем ты выше заберешься, тем больше ударишься, когда будешь падать. А падать мы будем не раз, потому что ведь не учились этому!

Он строил план побега не на пустом месте. Еще когда стражники подвели его к люку, он заметил, что на нем не видно никаких замков, а лестница-канат была привязана к краю люка. К тому же зиндан был построен, вероятно, в последнее время, когда приходилось сажать многих «преступников» одновременно, и он не был слишком глубоким. Поэтому, если три человека смогут вскарабкаться друг на друга, то один из них, вероятно, сможет дотянуться до каната. А там уже проще — подняться вверх, дожждаться, пока стражники отвлекутся или же самим отвлечь чем-нибудь их внимание, и потихоньку выбираться.

Мальчики, сев в кружок, чтобы их не подслушали сверху, еще раз обсудили план действий.

Да, приятно смотреть на акробатов, сидя на земле или траве, но самому, да еще не имея никаких навыков, выделять такие трюки оказалось довольно сложно. Ине только сложно, но и больно. Ведь едва они, кое-как держась за стену, вставали друг на друга и

пробовали сделать хоть шаг в сторону, как тут же разлетались в разные стороны и с грохотом летели вниз. Раз за разом наши акробаты пытались дотянуться до канатной лестницы, но безуспешно. И только к вечеру они кое-как научились держаться друг на друге. Далось это нелегко — на каждом были царапины и кровоподтеки, одежда их была мокрой от пота. После каждой попытки они теперь отдыхали, без сил лежа на влажной, скользкой соломе — измученные, удрученные неудачей.

— Ставлю на пари свое ухо — еще немного, и мы будем на свободе! — несмотря на усталость, Аламазон пытался шуткой подбодрить своих новых друзей. — Мы выйдем на свободу, мои пехотинцы!

Глядя на них, усталых, подавленных, никто бы не смог вообразить, что спустя некоторое время о них будет говорить вся подземная страна!

ОПАСНЫЕ ПРОТИВНИКИ ДУТАРИ

Когда Ишмат услышал о том, что во дворце будет большое празднество в честь того, что мать падишаха Мастан-ханум почувствовала себя лучше (в последнее время она сильно кашляла), он очень обрадовался: дворцовый повар еще в прошлый раз обещал сделать великолепные шашлыки из перепелки, и сегодня, конечно, это лакомое блюдо будет на столе.

Радостный, вошел он в покои к Грязнуле Первому и, заняв, как обычно, место на краешке ковра, сидел, думая о предстоящем угощении. Потом задумался о своем положении во дворце. Ну хорошо, владыка сейчас благоволит к нему, а дальше? У него нет способностей, он не умеет петь и танцевать. А ведь нужно чем-то выделиться. Аламазон в темнице, и, если с ним что-нибудь случится, он, Ишмат, останется здесь в полной власти Грязнули Первого.

Неожиданно ему в голову пришла удачная мысль, и он обратился к своему новому хозяину:

— Пресветлый падишах, а что если я сегодня прочту на праздник свое стихотворение?

— А ты умеешь рифмовать? — изумился тот.

— Попробую, — скромно потупил глаза Ишмат.

— Если так, то научи и меня этому, мой толстяк.

— Хорошо, я буду рад услужить вам хоть чем-нибудь, — ответил Ишмат радостно.

Падишах тут же приказал удалить всех из зала и, оставив только нескольких стражников, вместе с Ишматом уселся за маленький резной столик. Правда, им пришлось задержаться — калам и бумагу искали по всему дворцу, ибо Грязнуля Первый не слишком обременял себя письменными упражнениями и вообще каким бы то ни было общением с пером и бумагой. Наконец все было подготовлено.

— Ну! — скомандовал Грязнуля Первый.

— Пишите! — и Ишмат поднял глаза к потолку. — Я сейчас начну диктовать.

Спустя некоторое время стихотворение, хотя и очень неумелое, было написано. Владыка был в восторге:

— Я прочитаю его сегодня на пиру и тем опозорю Дутари! А то он все просит и просит новых милостей, заявляя, что талант — большая редкость. А себе ты пиши сам, Но смотри, твои стихи должны быть хуже моих, иначе...

— Конечно, владыка! — согнулся в низком поклоне Ишмат.

Он уже начал постигать науку лести и говорить то, что нужно повелителю. «А вдруг, — думал Ишмат, — мне удастся завоевать его доверие, и я смогу добиться, чтобы моего друга Аламазона выпустили?»

Как ни хорошо жилось Ишмату во дворце, он не мог забыть времени, когда они с Аламазоном были вольными и свободными ребятами родного кишлака и могли делать все, что вздумается. Он жил надеждой на то, что все изменится. И вместе с тем Ишмат растолстел еще больше: сказывалась обильная пища и ленивое бездействие.

Остаток дня он провел, валяясь на ковре и сочиняя стихотворение для себя.

Вечером начался пир. В огромном зале собралось много народу, шум, гам, беготня переполняли дворец. Придворные дружно работали

челюстями, и хруст костей вместе с сопением и чавканьем словно сопровождал песни и танцы, без которых не обходилось, как обычно, ни одно торжество. Наконец, на середину зала вышел поэт Дутари. Как же мог остаться он в стороне от такого праздника, если, увидев хотя бы двух человек, всегда подходил к ним и принимался читать свои стихи? Жажда выделиться, блеснуть снедала придворного поэта. В руках у негд был свернутый лист бумаги, на губах играла льстивая улыбка. Окружающие ненавидели его, потому что он, послушам, жил богаче многих из них. Завывая, Дутари стал декламировать свою новую газель:

Ты напрасно приглашаешь в баню — не пойду.

Не позволит честь такого. Слышишь — не пойду!

Газель заканчивалась таким двустишием:

Омовения отринув, ныне счастлив я.

Эти умыванья были всем нам на беду!

Как обычно, со всех сторон раздались ободряющие и приветствующие возгласы:

— Bravo!

— Молодец!

— Очень хорошо!

Когда, освободившись наконец от Дутари, присутствующие облегченно вздохнули, владыка объявил, что приготовил сюрприз. Сейчас стихотворение прочтет не кто иной, как его новый любимец Ишмат «ишма»!

— И опять раздались притворные крики «Bravo!», хотя невольно у многих лица вытянулись — оказывается, новый любимец укрепляет свои позиции!

Ишмат, неуклюже переваливаясь и оступаясь, вышел на место Дутари и, вынув бумагу, стал неторопливо разглаживать ее.

— Нашему владыке и опоре — Грязнуле Первому посвящаю!

Опять послышались одобрительные выкрики. Ишмат нараспев стал читать:

Мы засыпаем в грязной постели —

И это очень-очень приятно!

Спасибо большое Грязнуле Первому,

Потому что утром умываться очень маятно...

И хотя Ишмат перепутал ударения, придворные изо всех сил нахваливали его «произведение». Пусть сдохнет от зависти этот Дутари, который успел награть и нахапать больше их всех! А с этим... новоявленным поэтом справиться будет легко! А Ишмат тем временем объявил:

— Наш светлый властитель тоже в свободное время рифмует строки. Он делает это лучше всех нас!

Тут уж придворные совсем обезумели. Они подняли такой крик, так приветствовали появление Грязнули Первого, что вороны, которые мирно сидели на крыше дворца, с шумом улетели прочь. А он, не торопясь, вынул из рукава парчового халата свиток со стихами и зашмыгал носом от волнения. Наконец важно произнес: «Посвящаю себе!» и стал мямлить:

Есть мальчик отличный у нес в Юлдузстане.

— Хих, — он чихнул, и Бурбулит Идрис Ибрагим поспешно вытер ему нос.

Пусть каждый его приветствовать не устанет! —

продолжал Грязнуля Первый.

— Прекрасно! — восхитился главнокомандующий Шаламан Шылдыр.

— Изумительно! — главный сыщик Исам Итту Искабтапар от удовольствия закрыл глаза. А почему? Потому что он палкой Выгнал и мыло, выгнал мочалку, — читал падишах, спотыкаясь на каждом слове.

И выгонит всех, кто сопротивляться начнет.

Пусть он — то есть Я — очень долго живет!

Фискиддин Фискал и главный казни Хашим Хезиддин Хум одновременно перебасили: «Отлично!»

Дутари тоже выражал безмерное восхищение. Но сердце его грызла зависть. Он прекрасно видел, как несколько сановников смотрели на него с насмешкой, вероятно, предчувствуя его скорое падение, и по спине у него поползли мурашки.

«Где уж мне соревноваться с самим падишахом, если даже у него такие безобразные стихи!» — горестно думал он, и лицо его стало

желтым и совсем больным из-за разлившейся желчи. Но он улыбался, улыбался, пока губы у него совсем не заledenели от напряжения...

Крики одобрения, которые придворные выражали своему повелителю, донеслись даже до стражников, охраняющих Черную дыру, и повергли их в некоторое замешательство. «Что это там творится во дворце?» — пробурчал Тыртык и плотнее застегнул свой чапан, потому что вечер был прохладный. Шылпык, наоборот, представив, сколько блюд нынче выставлено на пиру у владыки, облизнулся и жадно смотрел в темноту — оттуда, казалось ему, доносится и запах жареных куропаток...

Эти крики услышал и Аламазон, который с тремя своими новыми друзьями пробирался к подземному колодцу, наконец-то выбравшись из зловонной темницы.

Весть о том, что сбежали три нарушителя порядка и шпион из Змеиной пещеры, дошла до придворных, когда пир подходил к концу.

— Болван! — топая ногами, закричал Грязнуля Первый на Фискиддина Фискала. — Ты прозевал его! Ответишь за все своей головой!

— Но, владыка... — начальник тайной службы пытался поцеловать руку падишаха, — я ведь их поймал. Содержать шпиона — дело Главного Сыщика Исама Итту Искабтопара!

— Оба вы болваны! — не унимался Грязнуля Первый. — Ищите его! А заодно и этих дураков, которые не хотели целовать мне ногу! Если не поймаете — пеняйте на себя!

Услышав, что Аламазон сбежал, и Шмат почувствовал огромное облегчение. Он верил — пройдет время, и они вернутся в родной Таштака!

АНСАМБЛЬ «БАИ-БАЙ-БАИ»

Мушкетер из Таштака и его оруженосцы, как теперь называл их Аламазон, вовремя добрались до безопасного места. Было темно, и через некоторое время, набрав соломы и сделав себе постели, они легли отдыхать. В отдыхе они очень нуждались — побег отнял у них много сил.

— Ох и спали они, эти сторожа! — начал Ушастик, чуть придя в себя. — Этим хочу сказать, что если им даже отрезать носы, то они узнают об этом от других!

— Напримерчик чуть нас не подвел — споткнулся о бородатого! — отозвался Тапочка. — Ходить надо полегче!

Они говорили, уже засыпая, и не слышали, как прямо над ними несколько раз проходили сыщики, окликая друг друга и ругаясь. Им тоже было обещано, что если не найдут сбежавшего шпиона, то на них обрушатся всяческие кары, и они ходили, злые и растерянные, вынюхивая, спрашивая и угрожая.

В последующие дни мальчики соблюдали величайшую осторожность. Только убедившись, что поблизости никого нет, они выползали из своего убежища, чтобы наловить рыбы или запастись едой, сварив яйца диких птиц или их мясо в недалеком роднике. Делали они все это с оглядкой, постоянно ставя кого-нибудь сторожить, и тут же скрывались, ползая в траве, как ящерицы, едва только раздавался сигнал тревоги.

Однажды Тапочка, не сказав никому ни слова, исчез и появился только через час.

— Лепешек очень уж захотелось, — виновато оправдывался он, показывая ребятам свежие, горячие лепешки.

— Где ты их взял? — строго спросил Аламазон.

— В конце вон той улицы, — Тапочка показал в сторону заброшенной хижины. — Там живет старушка, у нее всегда очень вкусные лепешки.

— Нехорошо воровать! — Аламазон как старший сердито выговаривал другу. — Мы преследуем благородные цели, а сами...

— Пока мы сделаем то, что задумали, можем умереть с голоду! — Тапочка не считал себя виноватым. — Мы же стараемся для них. Подумаешь, несколько лепешек!

В конце концов голод взял свое. Ребята с наслаждением поели свежих лепешек, утешая себя мыслью, что со временем как-нибудь рассчитаются за них.

Дни, проведенные в убежище, не пропали даром. За это время Аламазон написал насмешливое стихотворение о Грязнule Первом,

которое называлось «Бай-бай-бай», а юные музыканты написали к нему музыку и выучили песню. Инструменты они принесли из старой хижины. Репетировать приходилось тоже с большой осторожностью, и тоже всегда ставили кого-нибудь на страже, чтобы сыщики не застали их врасплох. Солистом был Ушастик, ему помогали Например и Аламазон — они повторяли припев. Тапочка же в этот момент аккомпанировал им на сурнае.

Все четверо были в восторге от песни. Они фантазировали без конца — как примут ее люди?

— А давайте назовем наш ансамбль по имени песни, предложил Аламазон, когда песня уже была готова к исполнению. — Ансамбль «Бай-бай-бай». Как?

— Что такое ансамбуль, не понимаю! — пробурчал Тапочка.

— Если музыканты сообща исполняют песню — это и есть ансамбль. Так говорят у нас в Змеиной, — объяснил Аламазон.

Авторитет Аламазона теперь был непререкаем. И когда он изложил план действия, все с восторгом его поддержали.

— Не бойтесь? Ведь нас могут схватить и всех казнить! — накануне первого выступления спросил он своих друзей.

— Да что там! — махнул рукой Ушастик. Семь бед — один ответ! Этим хочу сказать, что это за жизнь, которую мы вели!

— Выйдет — так выйдет! — поддержал его Тапочка. — Зачем думать о плохом?

Например кивал головой в знак согласия — он тоже не представлял себе, что может в чем-то не поддержать брата и его друга.

И военные действия начались.

В день, когда во избежание беды главный сыщик Исам Йтгу Искабтопар объявил, что шпион и его сообщники утонули в сае и в доказательство предъявил тенниску Аламазона, потерянную мальчиком, когда он полз из темницы, все четверо появились на одном из базаров. Сначала они демонстрировали свои акробатические номера — вот гдегодились тренировки, которые волей-неволей должны были проводиться в заключении! Когда собралось достаточно зрителей, Например стал выбивать на бубне ритм «дака-

дут». Когда вступила зурна, запел Ушастик:

Грязнуля Первый — Бай-бай-бай!

Нам запретил Родник и сай.

Но кто из вас Мне даст ответ:

Зачем на грязь Запрета нет?

Сначала зрители осторожно осматривались по сторонам, стояли молча, потом стали улыбаться, перемигиваясь. А песня продолжалась:

Грязнуля Первый — Бай-бай-бай!

Умен иль нет?

Ты угадай! Чалма на нем, Он царь и князь.

Но в голове — Сплошная грязь!

Кто-то из сидящих впереди расхохотался. Люди оживились, послышался смех, он стал переходить в хохот. Ободренные этим, юные музыканты запели громче. Голос Ушастика покрыл всю площадь:

Грязнуле Первому — Вопрос:

Кто вытирает Утром нос?

Палач народа — Бурбулит!

У каждого Душа болит:

Во что народ наш, Негодяй,

Ты превращаешь — Бай-бай-бай!

Когда агенты Главного Сыщика прибежали на площадь, музыканты уже исчезли. И только люди оживленно обсуждали и песню, и все, что в ней было сказано; и смех, который сопровождал это обсуждение, невозможно было запретить!

И хотя число агентов было увеличено вдвое, бродячие музыканты появлялись и исчезали совершенно неуловимо для представителей власти.

Спустя некоторое время эта песня была у всех на устах. И если взрослые еще опасались петь ее и повторять, то дети постоянно мурлыкали «бай-бай-бай», и сам этот припев уже был намеком. Не сажать же всех в темницы только из-за того, что они поют «бай-бай-бай»!

Вскоре о песне стало известно во дворце. Надо было видеть, как бушевал Грязнуля Первый и его придворный визирь, какие строгие

меры было предписано принять всем должностным лицам! И хотя были даже казнены два особенно нерадивых сыщика, толку от этого было мало: Аламазон и его друзья были неуловимы, йэурбулит подозревал, что они спрячутся в народе, но даже он не знал, сколько юных умов было взволновано тем, что нашлись люди, которые высказали горькую правду и призвали высмеивать правителя и его решения. Вскоре песня Аламазона стала поистине всенародной!

ПИСЬМО, ПРИЗЫВАЮЩЕЕ К ПОДВИГУ

Когда Аламазон, неслышно появившись в хижине, поздоровался с Хумо Хартумом, тот не сразу узнал его зрение у старика сильно сдало за последнее время. Но узнав мальчика, бывший визирь несказанно обрадовался;

— Как хорошо, что ты проведал меня, нашел время. Как же тебе удалось пройти сюда незаметно?

— А что, сыщики приходят сюда? — спросил Аламазон, когда ритуал приветствий был закончен.

— Раз десять за день! В последнее время что-то реже стали появляться, видно, поняли, что здесь тебя не поймать.

— А вас они все-таки не тронули? И за чистоту не преследуют?

— Спасает репутация сумасшедшего, как тебе известно. Правда, Бурбулит меня таким не считает, потому и посылал сыщиков одного за другим. В нашей стране только сумасшедшим и можно быть чистоплотными!

Аламазон, увидев, что старик горестно умолк, решил переменить тему разговора:

— А у меня к вам дело. Мне нужна ваша помощь, господин Хумо.

При этих словах лицо старика просветлело. Наверное, ему тяжело было чувствовать себя немощным, никому не нужным.

— Какая именно помощь тебе нужна?

— Во-первых, подскажите мне имена людей, которые мне могут помочь. Помните, вы говорили, что они готовы бороться и ненавидят Грязнулю Первого?

— Да, конечно. Теперь я могу их назвать, потому что верю тебе.

Это люди влиятельные, авторитетные, их слово в народе много значит. Запоминай: изгнанный из Алтыиарая бывший главный казий Нурбек-правдивый, аксакал махалли Драчунов Салам-баба. А остальных тебе подскажут они сами. Главное — их много, гораздо больше, чем предполагают сыщики! Что еще?

— Еще... Подскажите, как выглядят привидения?

— Ты думаешь, я это знаю? В том мире еще пока не бывал!

— Не шутите. Мне это очень нужно!

— Это должен знать Создатель!

— Одну из его ипостасей я привел к вам, — Аламазон махнул в сторону окна, где, стоя на привязи, у окон мирно пасса длинноухий ослик.

— Ты... ты приручил ослика?

— Да, я даже ехал на нем. Правда, когда было темно и меня не могли увидеть, — улыбнулся Аламазон. — Это тоже нужно мне для наших общих целей.

— Значит, и то, как выглядит привидение, тоже нужно тебе для дела? — удивился Хумо Хартум.

— А вы думаете, что в такое время можно заниматься баловством? — вопросом на вопрос ответил Аламазон. Привидений боятся все. Вот вы — что, если бы сейчас в хижине появился пророк Мадумар, что бы вы сказали?

— Не знаю, — чистосердечно ответил Хумо Хартум. — Но можно подумать!

Он оживился, угадав намерение мальчугана.

— Ты хочешь изобразить привидение?

— Вот именно.

— Тогда давай вместе подумаем, как именно должен вести себя пророк Мадумар!

...Вечером того же дня ко дворцу подошел мальчуган нищий. Он долго стоял, поглядывая на роскошные, сверкавшие радугой стены дворца, словно кого-то дожидался. Потом дождавшись, когда часовые заевались, неслышно проскользнул за ворота.

Когда Ишмат вышел во дворикотдыщаться после обильных блюд, облокотился о перила лестницы, к нему неслышно подошел нищий

мальчуган.

— Ты — Ишмат-«ишма»? — спросил он.

— Иди своей дорогой! — рассердился Ишмат. — А то, если рассержусь, вон под тем глазом такой фингал поставлю!

— Ты сердишься — значит, ты тот, например, кто мне нужен!

— Что тебе? Денег у меня нет, а еду ищи возле кухни! — Ишмат повернулся, чтобы уйти.

— А если, например, я принес тебе письмо? — тихо сказал мальчуган.

— Какое письмо? — сразу насторожился Ишмат.

В скудном свете он с волнением прочитал строчки, написанные его другом, которого он уже начал считать пропавшим:

«Привет, друг! Наконец наступило время, когда мне нужна твоя помощь. Для того, чтобы мои войска начали боевые действия, нужны вещи, которые здесь достать очень трудно: простыня, скатерть и тому подобное. Мой пехотинец, который вручит письмо, будет у тебя подручным. До встречи! Твой друг Аламазон».

Ишмат был несказанно рад. Жизнь, которую он вел, надоела ему нестерпимо, и только природное безволие удерживало его от того, чтобы не сбежать и от Грязнули Первого, и от придворных, ненавидевших его, как ненавидели они всякого, кто удостоивался милости властелина.

— Эй, пехотинец, жди меня вон там, — он показал в сторону сая. — Я сначала найду то, что нужно, а потом принесу тебе. Скажу, что просто хотел прогуляться!

Потом Ишмат направился во дворец. Мысль о том, что в его руках находится важная тайна, наполняла сердце нашего толстяка гордостью. Хоть он и не представлял себе, зачем нужны скатерть и простыня, но знал, что если Аламазон что-то задумал, он обязательно добьется своего через некоторое время он возвратился со свертками, тяжело дыша.

— А вот это отдашь моему другу, — протянул он какой-то невиданный предмет.

— Что это? — спросил тот, принимая фонарик (это был именно он).

— Оружие! — серьезно ответил Ишмат. — Я только что выкрал его из кладовой Главного Сыщика! Думаю, что Аламазону и всем вам он пригодится, этот фонарь.

Он нажал на кнопку, и, когда луч озарил деревья и кусты, мальчуган пришел в восторг.

— С таким оружием нам ничего не страшно! — он бережно прижал к груди фонарик и легко скрылся за кустами, словно растворившись в ночи. А в ушах Ишмата неизвестно почему зазвучали веселые, задорные слова Аламазона, которые он любил произносить перед важным делом:

— Все в порядке, мой толстый пехотинец! Наш поход продолжается!

ПРИЗРАК ПРОРОКА МАДУМАРА

Аламазон густо обсыпал лицо и руки мукой, прикрепил к подбородку искусственную бороду, шею обвязал тонким голубым платком. Большой скатертью, полученной от Ишмата, ему обвязали голову и прикрепили к импровизированной чалме длинные извилистые рога козла-архары.

— А простыню накинь на осла, — протягивая Тапочке алую тонкую ткань, приказал Аламазон. — К копытам еще нужно привязать желтые лоскутки.

— Ну и зрелище же будет, например! — восхитился. Например, с восторгом оглядывая наряд Аламазона — одновременно страшный и смешной. — Особенно ночью!

— Пророк и создатель не артисты! — отчитал его Ушастик. — Этим хочу сказать, что они могут быть только зрителями.

— Используйте ослов, — добавил Аламазон. — Хватит им бездельничать! Поняли, мои пехотинцы?

И пехотинцы с удовольствием согласились. Ведь Аламазон был отважным и изобретательным, и это не могло не располагать к нему сердца ребят, которые в течение нескольких недель почувствовали — впервые в жизни, что они нужны людям, приносят им радость и надежду!

Тихой ночью, когда потускнел и приобрел фиолетовый оттенок световой поток, идущий от планет, когда молочные волны сая стали темными и вход в Черную дыру едва различимым, возле стана стрелков-лучников появился странный призрак. Часовой, лежащий под тополем, первым увидел его и от ужаса онемел.

Белое существо с рогами, сидящее на божественном животном, покрытом алой попоной, двигалось прямо на них. В фиолетовом свете казалось, что за плечами призрака тянется легкий дымчатый шлейф. Остановившись в четырех шагах от часовых, существо воскликнуло замогильным голосом:

— Эй вы, свернувшие с верного пути грязные рабы! Запомните слова пророка Мадумара, который явился, чтобы сказать вам: если вы не перестанете слушаться выродка Фоиуса, именуемого Грязнулей Первым, и не возвратитесь на истинный путь, лучами вот этой Звезды я выжгу ваши глаза!

Говоря так, он вытянул руки, и в них вспыхнули лучи, направленные в часовых. Те в ужасе попадали ниц и закрылись руками. Когда же подняли головы, пророка нигде не было видно.

Утром в стане стрелков царил суматоха. Все хотели услышать рассказ о появлении пророка Мадумара. Прибывший из столицы Главный Сыщик приказал арестовать часовых, но было поздно: рассказ мигом облетел провинцию. И с каждой передачей он становился все более длинным и обрастал новыми подробностями.

«Лучники увидели, что к ним приближается пророк, который быстро стал расти и вырос величиной с минарет, — говорилось в одном из рассказов. — В руке у него была звезда. А сидел он на самом Боге-Осле!»

И то, что под привидением был осел, увеличивало достоверность сказанного: кто же осмелится даже подумать, что на Создателя сядет верхом простой смертный! На это осмелиться мог только пророк!

Через три дня призрак пророка Мадумара появился уже возле стен Алтынсарая. На этот раз его слова были подкреплены ревом Осла-создателя, и это повергло часовых в еще больший ужас. Никто не осмелился метнуть в призрак копьем, и он удалился так же беспрепятственно, как и в первый раз.

В следующий раз призрак появился на свадьбе в богатом доме.

— Через два дня я сотру с лица земли дворец, где свили себе гнездо нечестивцы! А вы должны знать — тот, кто будет поддерживать Грязнулю Первого и его придворных, удостоится моего проклятия, лишится глаз и языка!

По стране поползли тревожные слухи. Угроза пророка возымела действие — сердца людей все больше и больше отвращались от падишаха и его двора. Те, кто еще вчера смели лишь роптать или молча подчиняться насилию, сегодня вслух говорили о том, что пророк прав — не может достойный его потомок ввергать страну в нечистоплотность и лень! А если так, то, значит, Грязнуля Первый недостоин трона!

Аламазон-Генри и его пехотинцы стали готовиться к решительному штурму. «Впрочем, — думал он сам иногда, — Генри и не снились такие приключения. Что там золото! Тут речь идет о том, чтобы освободить от угнетения целую страну!»

Несмотря на все трудности, Аламазон был доволен.

Будет о чем рассказать ребятам, когда он возвратится домой! Таких каникул, как у них с Ишматом, конечно, не будет ни у кого из одноклассников! Да что там у одноклассников — такого не увидит никто из всей школы и даже района!

Поход продолжался...

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ

...Грязнуля Первый мечется из угла в угол, преследуемый толпой разгневанных людей. В руках у них палки, и они с гневом кричат ему: «Долой с трона!» А когда он, наконец, успевает забежать в спальню и спрятаться там, из угла появляется призрак пророка Мадумара, сидящий на осле.

— Пойдите, — говорит он. — Сначала я должен ослепить его, ведь он пытался ослепить целый народ, потому что чьи глаза могут спокойно смотреть на то святотатство, которое творит падишах? — И из руки у него появляется пучок света, который становится все ослепительнее, жжет все сильнее...

— Мама! — в страхе закричал Грязнуля Первый.

— Я не мама, я Ишмат-«ишма»-послышался возле него печальный голос. Падишах открыл глаза и увидел вместо пророка круглую физиономию своего нового любимца. Но и она сегодня вызвала у него раздражение. Оттолкнув Ишмата, Фонус выбежал в приемную.

— Оставит меня в покое пророк Мадумар или нет? — напустился он на Бурбулита, который ждал его пробуждения, сидя в приемной.

— Племянник мой, это одни слухи! — стал успокаивать владыку Бурбулит. — Я приказал арестовывать каждого, кто их распространяет. А кроме того, отдал соответствующее распоряжение Фискиддину Фискалу, главному сыщику Искабтопару, а Кандыркуротышке отправил специальное секретное письмо! Сардор лучников, карауливших границу, действительно получил большой свиток:

«Если призрак пророка Мадумара появится вблизи, приказываю немедленно окружить его и изрешетить стрелами! Вы должны знать, что под видом пророка Мадумара скрывается мошенник! Если же Осел-Создатель, который везет его, станет сопротивляться, убейте и его. Если задание будет выполнено, мы наградим тебя по-царски».

— Да-а, — почесывая затылок, озабоченно размышлял Кандыркуротышка. — Наградим-то наградим, но кто же знает, настоящий ли это призрак или в самом деле злоумышленник? И как поднять руку на священное животное? Не отсохнет ли она у меня? — И он озабоченно посмотрел на свою руку. — В крайнем случае, прикажу это сделать кому-нибудь другому, и рука отсохнет у него, — решил он. — Сам я ни в коем случае не коснусь ни призрака, ни Осла-Создателя.

В большом смятении были и сами лучники. Каждый из них боялся возмездия — в той же мере, как боялся гнева или немилости начальник. Истекал срок, отпущенный им пророком для того, чтобы они покаялись в своей верности Грязнуле Первому. Но кому отдать предпочтение — призраку пророка Мадумара или падишаху, в руках которого их жизни и имущество? Ослепнуть от гнева пророка не менее ужасно, чем быть казненному на месте за непослушание.

— Его светлость Грязнуля Первый не дает нам голодать, — после

долгих размышлений смущенно промямлил один из них, Джума-стражник.

— А если мы рады и довольны тем, что сыты, то чем мы отличаемся от баранов? — пылко возразил ему товарищ, которого звали Хабаром. — Сытое животное молчит, даже лежа на влажном навозе. Так и мы будем всю оставшуюся жизнь жить в таком же навозе?

И все промолчали. Но молчание лучше всяких слов говорило, о чем думают лучники. Что же говорить о простых людях, которые открыто высказывались о том, что дальше так жить невозможно?

В Алтынсарае тоже царил разброд и неуверенность.

Носились слухи, что вскоре и дворец, и все, кто в нем, будут сметены с лица Вселенной. Некоторые придворные утешали себя тем, что, если они не тронут тень пророка Мадумара, то, может быть, останутся в живых. Сыщики сбивались с ног, хватая одного за другим тех, кто высказывал подобные мысли. Но таких было очень много. Да что говорить о сомневающихся, если сам главный сыщик Исам Итту Искабтопар сомневался — а может быть, тень пророка все-таки настоящая?

Главный казий Хашим Хезиддин Хум тайком приготовил себе одежду крестьянина, чтобы вовремя убежать из дворца, если события примут неблагоприятный для нынешнего падишаха поворот.

Начальник тайной службы Фискиддин Фискал, приготовившись к сражению, тем не менее на всякий случай объявил себя больным. А поэт Дутари, закрывшись в своей комнате, рифмовал новую газель о пользе чистоты. — Она начиналась следующими строками:

Счастье пришло — в баню хоть раз ведите меня.

Нет поблизости сая — хоть в тазу купайте меня!

Только главный визирь Бурбулит Идрис Ибрагим выглядел таким, как всегда — хладнокровным и рассудительным. По всем дорогам были расставлены посты, чтобы предупредить появление призрака. Стражники получили новую одежду и вознаграждение — для поднятия боевого духа, Бурбулит Идрис Ибрагим понимал, что завтра — именно такой срок указал призрак — наступит решающий день, от которого зависит его власть и жизнь. Поэтому он отправился утешить

своего слабовольного, ленивого племянника и сестру, которая совсем расхворалась и не могла подняться с постели, только стонала и ехала.

Впервые в жизни ловкая и хитрая Мастан-ханум ничем не могла помочь своему сыну.

ЗАВОЕВАНИЕ ПРОВИНЦИИ «ПЛАМЕННАЯ ПЕЩЕРА»?!

Наступила ночь. Лучники, дежурившие возле Чёрной дыры, воины, охраняющие дворец, придворные — все были в напряжении, ожидая, когда наступит обещанное пророком возмездие. Кандыр-коротыш сам стоял в карауле. В начале ночи он, храбро потрясая саблём, заявил;

— Пусть только появится этот самый призрак — изрублю его на самсу!

Но к ночи, особенно, когда все погрузилось в темно-фиолетовую мглу и на деревьях заухали филины, решимость его стала быстро исчезать. Только успел он из своей узорчатой тыквушки высыпать на ладонь очередную порцию наса, как за холмом послышался шум и гам, потом раздались скорбные звуки зурны и гром бубна. Стрелки, дрожа, стали оглядываться друг на друга. Кандыр-коротышка, залпом высыпав нас в рот, приготовил саблю, несмотря на то, что колени у него начали мелко дрожать.

И вот из-за холма стала медленно выплывать уже знакомая всем фигура привидения, сидящего на осле. За ним показались ряды последователей — все они, как и пророк, были с рогами, и все сидели на священных животных. Именно то, что создания сидели на ослах, и повергло стражников в ужас: все знали, что обуздать священное животное невозможно!

— Это настоящий пророк! — первым не выдержал Хабар и бросил лук на землю. За ним — остальные.

— Кто поднимает вас против меня? — раздался голос привидения. — Кто восстает против пророка Мадумара?

Взоры всех обратились к Кандыр-коротышке. И тут Хабар бросился к своему бывшему начальнику и повалил его на землю. Стрелки-лучники гурьбой бросились за ним, Через мгновение

Кандыр-коротышка был обезоружен я крепко связан.

— Кто идет за мной? — опять заговорил призрак Мадумара. — Кто хочет принять участие в священном походе против нечестивца, нарушившего все законы нашего народа? Поднимите оружие и следуйте за мной!

Войско двинулось к столице. Оглядываясь назад и видя вооруженных людей за собой, Аламазон весело повторял про себя: «Священный поход продолжается! Впереди — бой!».

Первыми встретили войско пророка жители Джанджалмахалли, то есть махалли Драчунов, живущие в пригороде. Махалля эта издавна славилась тем, что жители ее были известные драчуны и задиры. Не было, наверно, ни одного дня, чтобы здесь кто-нибудь не повздорил между собой. Правая сторона улицы уже многие годы враждовала с левой, и в перепалках принимали участие все от малых до стариков. Иногда драка продолжалась до глубокой ночи, ее сопровождали истошные крики женщин. Если победители не уставали, то начинали сражаться между собой. А иногда можно было видеть, как в пылу кто-нибудь принимался колотить самого себя!

С самого утра жители махалли, забыв раздоры, ждали появления пророка. Еще бы — побоище, которое ожидалось, могло дать им отличную возможность показать себя! — И все, кто мог двигаться, приготовив палки, ждали событий.

Несмотря на ночь, жители Джанджалмахалли немедленно присоединились к войску пророка. И шествие отправилось дальше, все разрастаясь и разрастаясь, потому что по дороге к нему присоединялось много вооруженных чем попало людей. В их руках были палки, дубины, луки и стрелы. В общем, все это теперь представляло довольно грозную силу.

Когда толпа высыпала на улицу, ведущую ко дворцу, главный казий Хашим Хезиддин Хум, переодетый крестьянином, стоял у ворот одного из домов. Здесь жили его родственники, и он намеревался в случае чего спрятаться у них. Но, может быть, было гораздо безопаснее присоединиться к шествию, раствориться в нем? Кто бы сейчас узнал в жалком крестьянине, дрожащем от страха, горделивого придворного?

Вдруг чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо. Обернувшись и увидев ухмыляющегося Бурбулита, главный казий оцепенел от страха и неожиданности.

— Поздравляю с новым нарядом! — зловеще заговорил Бурбулит. — Мы, оказывается, единомышленники. Что вы здесь делаете, уважаемый?

— Я... я хотел, если удастся, убить мнимого пророка, пробормотал, не зная, как оправдаться, Хашим Хезиддин Хум.

— Да? И забыли дома свое оружие? — насмешливо улыбался главный визирь. — Я вам помогу. Я случайно прихватил с собой не только нож и кинжал, но еще и лук.

— Что... что вы хотите сказать?

— Только то, что у вас есть блестящая возможность доказать свою преданность. Вот, возьмите лук... Да берите, берите, не бойтесь! Вот так! А теперь забирайтесь повыше — вон туда, на крышу, и, когда пророк будет проезжать мимо, выстрелите. Понял меня, негодный?!

И так велик был страх главного казия перед жестоким, властным Бурбулитом, что он только молча кивнул головой и дрожащей рукой принял тяжелый лук.

— Когда будете целиться, руки ваши не должны дрожать, — как ни в чем не бывало, снова перейдя на «вы», наставлял его Бурбулит. — Прицел возьмите чуть вперед. А я...

Он помедлил, зловеще глядя на Хашим а Хезиддина Хума.

— В это время я буду под куполом соседнего дома и буду за вас молиться. А так как оттуда до вас совсем близко, то думлю, что вы не рискнете промахнуться. Иначе...

Он вынул из ножен изукрашенный драгоценными камнями кинжал. Главный казий знал, что Бурбулит Идрис Ибрагим действительно мастерски владеет кинжалом, умеет метнуть его, если понадобится, без промаха... Он словно почувствовал холод стали у себя между лопатками, поежился. Потом беспрекословно стал карабкаться на крышу.

Чем ближе подходили люди, тем большая тревога охватывала трусливого казия. Он то и дело косился на противоположную крышу,

где, казалось ему, белеет фигура Бурбулита. Он и не знал, что тот давно исчез.

Вот белый призрак пророка поравнялся с ним. Стал виден и Осел-Создатель, который бодро стучал копытами по мраморным плитам, Казий: натянул тетиву, прицелился во всадника. Он чувствовал себя как человек, которого заживо поджаривают в кипящем масле, — страх терзал его, сводил дрожью руки. Когда стрела, пущенная им, вонзилась в голову пророка, он в ужасе закрыл глаза, и тут же, оступившись, полетел с крыши... С ужасным воплем свалился он в горячий родник, который кипел во дворе, огражденный каменной кладкой.

Когда к нему подбежали сопровождающие Аламазона молодые стрелки, главному казию уже было безразлично, что придет к нему первым — гнев пророка или кинжал Бурбулита...

Стрела, вонзившаяся в Аламазона, по счастливой случайности попала в толстые складки чалмы и лишь слегка поцарапала его. К чести отважного мушкетера, он продолжал ехать как ни в чем не бывало, хотя за первой стрелой могли последовать и другие, более меткие. Народ же, увидев, что стрела, вонзившаяся в голову, не причинила пророку никакого вреда, разразился восторженными воплями, по переулкам пошла гулять молва о том, что некий нечестивец, осмелившийся выстрелить в пророка Мадумара, был тут же наказан небесными силами!

Когда отряд вступил на дворцовую площадь, все увидели войско Шаламана Шылдыра, шеренгой выстроившееся перед Алтынсараем.

— Бросайте оружие! Пророк накажет всех, кто осмелится поднять на него руку! — закричала толпа, сопровождающая Аламазона и его пехотинцев. — Главный казий наказан! Он уже мертв! Лучники из Черной дыры с нами!

Услышав о лучниках, воины, стоявшие у дворца, заколебались. Одно дело сдержать безоружную толпу, другое дело — воевать с обученными воинами. Тем более, они перешли на сторону пророка. Значит, это нужно сделать и им, и сейчас же!

Строгая шеренга заколебалась, часть воинов стала отступать. Шаламан Шылдыр, прячась за стражниками, стал кричать:

— Вперед, мои храбрые воины! И мы сметем их с лица земли!

Этот крик словно был сигналом для бегства. Тем более что толпа, следовавшая за пророком Мадумаром, стремительно нарастала, она двигалась, как черная туча...

Вскоре на площади остались только Аламазон и отряд. Жители махалли Джанджал с криками гнались за беглецами, — размахивая палками, и отводили душу, молотя стражников и сыщиков, которые попортили им немало крови. Остальные ворвались во дворец, вытаскивая оттуда запрятавшихся в страхе царедворцев.

Когда наступило утро, на площадь, где под стражей сидели Грязнуля Первый и его злобная мать, а вокруг них придворные, пришел Хумо Хартум. Тут же обнаружилось, что призрак пророка Мадумара исчез вместе со своей гвардией. Исчезли и «священные ослы», которые своим ревом всполошили всю страну.

Не было нигде и Бурбулита. Войско Змеиной пещеры во главе с Надимом Улугом и принцем Ферузом, вошедшие в Пламенную провинцию, встретили только разрозненные и жалкие остатки былой армии владыки.

ГДЕ ЖЕ АЛАМАЗОН?

Утром было объявлено, что отныне Юлдузстан становится единой страной и время грязи и нечистоплотности кончилось.

Если в это утро кто-нибудь вздумал бы проехать из конца в конец пещеры «Пламенная», то увидел бы, что во всех прудах, саях купаются люди. Женщины полощут белье и домашние принадлежности, и везде, как флаги, белеют чистые простыни, скатерти, полотенца.

Все мочалки, годами хранившиеся тайно и с большим риском для владельца, были пущены в дело.

На фоне чистых, сияющих радостью лиц особенно мрачными казались серые и пятнистые от грязи лица придворных и самого Грязнули Первого — в грязной чалме, в халате, покрытом жирными сальными пятнами. Ишмата по просьбе Хумо Хартума выпустили, и он вволю наплавался в сае. Одно только огорчало его — где же

Аламазон?

А площадь шумела и бушевала. Решали, что теперь делать с бывшим правителем и его придворными.

— В темницу их! — слышались крики.

— Да, пусть посидят там, где мучилось столько людей!

— Отдайте их в наше распоряжение, — просили жители махалли Драчунов. — Мы живо стрясем с них лишний жир!

Грязнуля Первый, уткнувшись в подол матери, жалобно заплакал.

— Плачешь теперь, — кричали ему. — А сколько плакали наши дети?

Хумо Хартум, подойдя к людям, толпившимся вокруг падишаха и его слуг, поднял руку в знак того, что он хочет говорить.

— Тише! Хумо Хартум хочет говорить! — раздались крики. Несмотря на то, что последние годы старик жил в нищете, простые люди уважали его, помня, сколько добра было сделано им в давние годы, когда он был главным визирем.

— Нам всем было очень трудно в эти годы, — скорбно начал он. — Но подумайте каждый и скажите себе: а нет ли здесь и нашей вины? Стоило неразумному младенцу захотеть самого невероятного — и мы приняли это, жили в грязи, а ведь наш народ во всех своих поколениях чистоту любил и отдавал ей должное. Что из того, если поддерживали этого младенца жестокие и злые люди? — он оглянулся, словно ища Бурбулита, но его нигде не было видно.

— Мы — народ. Нас много, а их, — он показал на стражников, — всего горстка, их и придворных, которые жирели на труде народа и его крови. Так дальше быть не может. Нельзя, чтобы страной управляли те, кто в этом ничего не понимает! Кроме того, — тут он снова поднял руку, словно желая подчеркнуть значение своих слов, — вы все должны знать правду, которую столько лет и поколений скрывали от всех правители. Скрывали так долго, что она бы и осталась погребенной, если бы... во всех поколениях не находились люди, которым правда дороже жизни и всех благ.

Он поднял потрепанную книгу в старом переплете.

— Правда о нас — откуда мы, кто мы — здесь! Я расскажу вам ее!

...На площади стояла глубокая тишина, когда Хумо Хартум заканчивал свою удивительную исповедь о «Книге скорби» Равшани, о том, что и жители страны Юлдузстан — люди белого света, забредшие в пещеры, и что существует другая Вселенная, где есть настоящее Солнце и настоящие звезды.

— Наши потомки, — закончил Хумо Хартум, — должны найти туда дорогу, потому что люди там, наверху, научились делать удивительные вещи. Им подвластны многие чудеса. Мы же здесь замкнуты, мы столетиями живем сами по себе. Наверно, поэтому нами так легко было управлять невежственным правителям. Такое не должно повториться!

— Как же сейчас жить? — воскликнул кто-то из толпы.

— И что будем делать с ним? — указывая на Грязнулю Первого, подхватили голоса.

— Его? Прежде всего его нужно отмыть! — категорически заявил Хумо Хартум. — А потом... потом мы отправим его в школу. Пусть учится. Может быть, из него по-лучится полезный для общества человек!

— А где те люди из белого света, о которых вы говорили? — спросили опять.

— Они... — Хумо Хартум замялся. Ему не хотелось показывать сейчас Ишмата, а Аламазона нигде не было видно.

И вдруг из-за домов послышалась любимая всеми мелодия. Песня росла, и стали слышны слова, которые пел высокий и чистый голос:

Грязнуля Первый — Бай-бай-бай!

Нам запретил Родник и сай.

Но пусть он Грязен,

Словно крот, — Чист, как и раньше,

Наш народ.

Все головы повернулись в ту сторону, откуда двигалась небольшая процессия. Это был знаменитый ансамбль «Бай-бай-бай». Пел, как всегда. Ушастик, остальные же подхватывали припев или играли на разных инструментах.

Когда юные музыканты подошли совсем близко, Хумо Хартум, напряженно всматривающийся в них, заговорил дрожащим голосом,

указывая на Аламазона?

— Вот он! Вот человек белого света!

В ту же минуту к Аламазону бросился невысокий толстенький мальчик и со слезами закричал:

— Аламазон!

Это был Ишмат, который после долгих злоключений наконец-таки встретился со своим отважным другом.

МЕСТЬ БУРБУЛИТЛ

Почему же Аламазон скрылся с площади в ту минуту, когда люди бросились во дворец?

Он понял, что его миссия в роли пророка, выступающего против ненавистного правителя, закончилась. В следующие мгновения он может быть разоблачен как мнимый Мадумар, а это может повредить делу — ведь основная масса народа верила в то, что с ними сам Мадумар!

— Как же так, — возразил Ушастик, — мы все делали, а теперь вроде и не при чем!

— Тебе важнее дело, результат, или слава? — доказывал Аламазон. — Пойми: нас знают как музыкантов, вот мы и покажемся людям в этом обличье. Надо переодеться, взять инструменты.

— А кто же будет судить Грязнулю Первого?

— Народ, — ответил Аламазон. — Лучшие его представители — Хумо Хартум, Надим Улуг — за ним я послал вечером гонца. И мы, наконец! Ведь мы же придем на площадь!

Как мы знаем, их встретили восторженно, и они повторили свою знаменитую песню, прибавив к ней новые слова.

...Вечером, когда все утомнились и решено было с завтрашнего дня образовать совет старейшин, чтобы решить, какой должна быть отныне жизнь в Юлдузстане, Аламазон, который вместе с Ушастиком, Тапочкой и Напримером сидел в одной из комнат дворца, услышал слабый стон. Выглянув в окно, он увидел, что невдалеке на лужайке лежит Хумо Хартум, а в спине у него торчит кинжал с рукояткой, украшенной большими красными рубинами. Прижимаясь

к траве, от лежащего Хумо кто-то быстро полз в сторону леса.

— Хумо-бобо! — крикнул Аламазон и, вскочив на подоконник, быстро выпрыгнул из окна.

Прежде чем ошеломленные музыканты успели догадаться, в чем дело, он выхватил у одного из стражников саблю и побежал за убийцей. Тот, увидев, что обнаружен, поднялся с травы и тоже побежал, петляя из стороны в сторону. Вот он уже добежал до сая и, спотыкаясь об алмазы, которые густо устилали берега, побежал вдоль него. Когда он достиг «Золотых глыб» — так называлось место, где отдыхали придворные артисты, он оглянулся.

— Так вот кто ты, убийца! — крикнул Аламазон, бежавший следом. — Если хочешь жить, защищайся, Бурбулит!

— Тысяча благодарностей священному Ишаку, что он привел тебя в мои лапы! — Бурбулит, оглядываясь по сторонам, вытащил саблю из ножен.

— Давай-ка, подходи поближе!

Аламазон, крепко держа в руке саблю, стал приближаться к Бурбулиту. Они глядели друг на друга, чтобы не пропустить ни одного движения противника.

— Думаешь, я не знаю, кто затеял весь этот переполох? — заговорил Бурбулит. — Ты да Хумо юродивый, и еще пара бунтовщиков. Вот сейчас отделю голову от туловища — сразу поумнеешь, зараза!

При этих словах он резко ударил саблей. Когда Аламазон ловко успел подставить свою, раздался резкий скрежет, искры посыпались дождем. Несмотря на то что наш герой избежал первого удара, он все-таки был слабее противника и понял — чтобы добиться успеха, надо изматывать Бурбулита, изматывать, пока хватит ловкости! И тогда он стал шаг за шагом отступать, прыгая с камня на камень. Бурбулит же, напротив, уверился, что победа за ним, А заспешил. Нагоняя Аламазона, он то и дело взмахивал саблей, но каждый раз удар встречал пустоту, и он, теряя равновесие, спотыкался или скользил по камням. Вскочив, он опять замахивался, уверенный, что на этот раз удар достигнет цели, но мальчик увертывался от него.

Медленно отступая, Аламазон остановился на золотой глыбе —

под нею кипел и пенился водоворот. Сай в этом месте терял свою плавность, он превращался в стремительный поток, который исчезал под рубиновой стеной. Это было опасное место — стоило поскользнуться, и можно было проститься с жизнью, потому что рубиновая стена уходила отвесно вверх, не давая ни малейшей возможности уцепиться за нее.

— Ну что, попался! — захохотал Бурбулит. Задыхаясь, он стал приближаться к золотой глыбе. — Попробуй теперь отступить!

Собрав все свои силы, он послал удар вперед, целясь прямо в сердце Аламазона. Этот удар мог бы оказаться последним, потому что мальчик чувствовал, как отяжелели руки, какой громоздкой кажется недавно еще легкая сабля и как огромен Бурбулит. Впервые Аламазон почувствовал, как затрепетало его сердце. Но гибкость и быстрая реакция снова сделали свое дело — удар прошел мимо, и он оказался роковым для Бурбулита. Не удержавшись, тот поскользнулся и с криком полетел вниз, прямо в водоворот, бешено пенящийся внизу.

Тяжело дыша, Аламазон перепрыгнул на соседнюю глыбу и тут увидел, как к месту схватки бежит принц Феруз. Подбежав, он некоторое время смотрел вниз, — там уже не было видно тяжелого тела Бурбулита, только возле камней оставался розоватый след крови. Водоворот, как будто ничего не случилось, пенился и бурлил, стремительно уходила вода под рубиновую скалу.

— Эх, жаль, что не мне удалось сразиться с Бурбулитом! — сказал наконец Феруз. — Я, как только увидел, что ты побежал, бросился вслед, но пришлось вернуться за саблей.

— Как видишь я и сам недлохо справился.

— Но если бы Бурбулит не поскользнулся... — возразил Феруз.

— Ты хочешь сказать, что я слабак? Давай попробуем кто кого! — запальчиво возразил Аламазон.

Феруз был одного роста с Аламазоном. Правда, коренастый и крепкий Аламазон был чуть шире в плечах, но тонкий, гибкий Феруз не уступал ему в ловкости.

— Попробуем!

С первых же движений Феруза Аламазон понял, что встретил достойного противника. А через несколько минут ему пришлось

признать, что юный принц владеет ударом лучше, чем он: сабля Аламазона отлетела на несколько шагов, выбитая из рук точным ударом.

— Браво, наш падишах! Хоп-па! — раздалось неподалеку.

Недалеко стояла группа стражников, среди которых Аламазон сразу же признал Тыртыка и Шылпыка. Они были в числе тех, кто перешел на сторону восставших, и теперь охраняли дворцовые покои.

— Хих, тьфу! — с восторгом говорил Тыртык. — Этот удар достоин знаменитого мушкетера Юлдустана Барри Барака!

— Кто этот Барри Барака? — ревниво спросил Аламазон, поднимая саблю.

— В прошлые века был такой непревзойденный мастер своего дела! — ответил Шылпык.

Феруз крепко обнял за плечи Аламазона, и наш мушкетер из Таштака, подавив досаду, ответил тем же — храбрость и ловкость всегда находят дорогу к сердцу!

Они вышли на дорогу. Стражники сопровождали их. Оглянувшись, Аламазон увидел в руках одного из сопровождающих перламутровую тыквушку для нас, уже знакомую ему.

— Это, кажется, вещь Кандыра-коротышки? — он попросил тыквушку, чтобы лучше разглядеть ее.

— Да, была его! — весело ответил новый владелец драгоценной вещи. — Но когда он бросился бежать, он растерял все, что у него было! Теперь эта вещь моя!

Задумчиво вертя в руках безделушку, Аламазон мучительно вспоминал, почему она кажется такой знакомой. Да, еще до прихода в Юлдустан он определенно видел где-то эти перламутровые пластинки, эти мерцающие жемчужины...

— Вспомнил! — вскрикнул он. — Такая лежит у нас в музее. Да-да! Ребята нашли ее, когда купались в Кочкарсае!

Память быстро подсказала ему слова Кандыр-коротышки о том, что одну такую тыквушку он нечаянно уронил в сай.

«Зачит, Кочкарсай — продолжение вот этого сая, — думал он. — Иначе как бы вещь Кандыра-коротышки оказалась возле нашего селения?»

— Что ты узнал? — с любопытством спросил его Феруз.

— Узнал, что есть еще один путь к нам в белый свет! — возбужденно поделился новостью Аламазон. — Быстрее бы отыскать его!

— А ты возьмешь меня с собой? — застенчиво спросил Феруз.

— Тебя? А что ты будешь у нас делать?

Аламазон тут же спохватился, что своим вопросом мог обидеть нового друга. И он стал путано объяснять:

— Ведь ты — потомок падишаха. Значит, тебя оставят здесь... Я это имел в виду...

— Нет, я не хочу оставаться здесь, — печально сказал Феруз. — Когда Хумо Хартум рассказывал о белом свете, я услышал, что, по твоим словам, люди там летают по небу на железных птицах — это ведь правда?

— Правда! — горячо подтвердил Аламзета. — И даже в ракетах летают к звездам!

— Когда я услышал об этом, — продолжал принц Феруз, — я захотел к вам, в белый свет, чтобы тоже научиться летать высоко-высоко! Я помогу тебе найти путь домой!

— Правда? — радостно спросил Аламазон. — Клянешься?

— Клянусь Матерью-Звездой! — горячо сказал юный принц и поднял вверх тонкую смуглую руку. — И Хазина тоже хочет искать путь в белый свет, чтобы помочь тебе!

— Хазина? — Аламазон густо покраснел.

Сестра принца Феруза, Хазина, — невысокая, черноволосая, с большими темными глазами девочка — уже несколько раз встречалась Аламазону в покоях дворца, и каждый раз он ловил на себе ее восхищенный взгляд. Придворные говорили, что щеки ее напоминают лепесток, а стройная фигура и лицо — красавиц древности. Но Аламазону казалось, что больше всех она похожа на его одноклассницу Азизу, только, конечно, Азиза не носила такие пышные одежды и драгоценности, а вместе с мальчиками играла в волейбольной команде школы и любила шахматы. Хазину же трудно было представить в школьной форме, с мячом в руке — походка ее была мягкой и неслышной, а тонкое личико всегда опущено.

Вспомнив все это, Аламазон ничего больше не сказал своему новому другу, но почему-то повеселел и даже походка его стала бодрой и жизнерадостной.

А навстречу им уже шли Ушастик, Тапочка и Например.

— Мы позаботились о господине Хумо, — сказал Ушастый. — А потом побежали за тобой.

Аламазон рассказал все, как было; друзья смотрели на него с восторгом. А он тоже радовался — сколько друзей появилось у него в этой странной подземной Вселенной, называемой Юлдузстаном!

ПЕСНЯ О БЕЛОМ СВЕТЕ

Аламазон молча прошел в комнату, где лежал раненый Хумо Хартум, сел у постели, кивая головой в знак приветствия. В комнате было несколько человек: сама Рузванхайум, прикладывающая к голове старика холодные компрессы, Надим Улуг и лекарь. В дверях, прячась за шторой, стояла Хазина, она следила за каждым движением Аламазона, но он, занятый своими мыслями, не замечал ее.

— Рана не очень опасная, как я и говорил, — лекарь, перевязывая рану, хмурился. — Но ведь он потерял много крови, а в его возрасте это очень опасно.

Укладывая свои снадобья в расшитый мешочек, он привычно помолился: «Да поможет ему Осел-Создатель».

Бедный лекарь и не подозревал, что один из тех, что стоит рядом, два дня назад ездил на священном животном, без всяких угрызений совести понукая его. Еще более удивился бы он и поразился, если бы узнал, что призрак пророка Мадумара — вот этот высокий, смуглый мальчик, который сейчас наклонился над Хумо Хартумом и говорит ему ласковые, теплые слова.

Когда Аламазон направился к выходу, Хазина подошла к нему.

— Скажите, — ласково начала она. — Мой брат говорит, что скоро вы уйдете от нас, что вы нашли путь из подземелья. Правда ли это?

Тут только Аламазон увидел девочку и вспыхнул от смущения, сам не зная почему. Молча они прошли несколько шагов.

— Правда, — наконец ответил Аламазон.

— Вы, наверное, очень скучаете по своей родине, там, я слышала, так много чудес!

— И здесь, у вас, тоже много интересного, — чтобы успокоить ее, Аламазон стал рассказывать о том, что именно удивило его здесь и поразило. Хазина слушала его, опустив глаза. Незаметно для себя они вышли из дворца, пошли по лужайке, где стояли мраморные скульптуры знаменитых людей Юлдузстана.

— А если мы с Ферузом проникнем в ваш мир, он там тоже станет властелином? — вдруг спросила она, и Аламазон чуть не расхохотался.

— Феруз очень умный мальчик. Выучится — может даже стать министром.

Хазина стала спрашивать, кто такой министр, и, выслушав, решила:

— Значит, министр похож на Хумо Хартума!

Потом она попросила рассказать ей о птицах, на которых люди поднимаются высоко-высоко, а услышав слово «телевизор», тоже выразила желание узнать, что это таксе. Аламазон охотно рассказывал. Сами того не заметив, они дошли до сая, где вчера произошла схватка с Бурбулитом, потом медленно пошли обратно.

— Мне нужно было посмотреть, как себя чувствует Хумо Хартум! — спохватился Аламазон. И они поспешили к дворцу, причем Хазина шла с явной неохотой.

— А зачем вы приехали к нам, Аламазон? — немного погодя спросила Хазина.

— Искали клад, который, как было известно, находится в подземной пещере.

— Меня искали?! — переспросила Хазина. — Меня?!

Аламазон вспомнил, что «Хазина» означает «клад» а девочка поняла это слово буквально. Ему не хотелось огорчать ее, и он повторил:

— Ну, конечно, искали Хазину.

— Но ведь вы меня раньше никогда не видели!

— Но я ... мы предполагали, что Хазина находится здесь... не

веришь, спроси у Ишмата. Если он не подтвердит, что мы искали Хазину, то я прощаюсь со своим ухом!

— Шутите... — но глаза Хазины сияли, и Аламазон подумал, как было бы хорошо, если бы девочка действительно пошла с ними искать дорогу в белый свет и если бы она стала ему другом, настоящим другом. А ведь она, наверное, мягкий и добрый человек, несмотря на то, что принцесса, дочь падишаха...

— Клянусь белым светом! — сказал он.

Когда они подошли к дворцу, услышали, как в комнате, где теперь жили юные музыканты, друзья Аламазона, звенел рубаб. Голос Ушастика выводил песню:

К тебе тропа нелегкая, Эй, белый свет!

Ты — молния далекая, Эй, белый свет!

Цветут тюльпаны на лугу — Эй, белый сеет!

Тебя забыть я не могу — Мой белый свет!

Навстречу им выбежал Ишмат.

— Увидел, как вы идете, и не вытерпел! — сказал он, слегка задыхаясь от быстрого бега. — Помнишь, ты написал слова? Ребята сегодня, пока тебя не было, уже сочинили музыку и создали новую песню. Ведь если они попадут в Таштака, им нужно будет чем-то приветствовать жителей!

— А разве они тоже пойдут с нами? — спросил Аламазон.

— А вы как думали? — раздался голос сверху. Это Тапочка, высунувшись в окно, слушал их разговор. — Конечно, пойду!

— И я! — выглянул из окна Ушастик.

— Я тоже! — воскликнул Например.

— Но ведь это опасно. Там неприступные стены, водопады!

— А разве быть призраком пророка Мадумара было легко? — рассмеялся Ушастик. — У нас за плечами кое-что есть!

— Ну что же... — заговорил Аламазон в волнении. — Мне ведь тоже нелегко было бы расстаться с вами всеми... Раз так, то я могу сказать только одно: вперед, мои пехотинцы! Священный поход продолжается!

УНИКАЛЬНОЕ ЛЕКАРСТВО, ИЛИ ЭПИЛОГ

Аламазон открыл глаза. Но вместо светло-голубого потолка, густо унизанного бирюзой, он увидел смутные очертания влажных неприветливых глыб, нависшие над ними.

«Разве мы не во дворце?» — подумал он в сонном забытии, все еще не веря своим глазам и надеясь увидеть огромные комнаты прекрасного дворца в Юлдузстане. Но не было вокруг ни мраморных плит с золотистыми изображениями персика, не великолепных белых статуй на фоне темно-зеленой травы, ни ослепительных стен, горящих рубиновыми изломами. Была тесная пещера, в которой они накануне заснули.

Ишмат спал, чмокая во сне губами. Когда Аламазон приподнялся, он пробормотал: «Принеси теперь шашлык», и это окончательно взорвало нашего отважного мушкетера.

— Ну-ка вставай! — закричал он, изо всех сил дергая своего спутника. — Сколько можно спать?

— А-а? — сонно бормотал Ишмат, но глаза его были закрыты. — Зачем разрушать кухню? Отпустите меня!

— Опять тебе чудится кухня и шашлыки! — Аламазон продолжал трясти его. — Где Феруз и Хазина? Где Хумо Хартум?⁸

— Йе-йе! Что ты мелешь? — теперь уже окончательно проснувшись, удивился Ишмат. — Что за Хартум!

— Не притворяйся! — Аламазон никак не мог поверить, что все только что пережитое им было только сном. — Куда делись ребята, которые пели с нами в ансамбле? Может, ты их тоже не знаешь?!

— Никаких ребят не знаю, а вот зачем ты разрушил кухню, где мы жарили такие вкусные шашлыки?

Они спорили, повышая голоса, пока не обессилели. Потом поняв, что нужно как-то выбираться отсюда, ползком отправились в обратную сторону.

Там, возле пещеры, их и нашли жители Таштака, которые отправились на поиски пропавших ребят, обыскивая одну пещеру за другой.

⁸ Хартум — означает хобот.

Когда родители увидели своих детей, Аламазон и Ишмат продолжали спор, возникший в тесной пещере, когда они пришли в себя.

— Ну как же ты не знаешь господина Хумо? — доказывал Аламазон; — Ведь если бы не он, ты навсегда остался бы прислугой Грязнули Первого?

— Не знаю, какой там грязнуля, — кипятился Ишмат, — но он разрушил кухню в тот момент, когда мы изобрели новое блюда в стране Горячего Шашлыка!

Услышав такое, отец Аламазона, уже расстегивавший ремень, чтобы хорошенько проучить беглеца, растерянно опустил руки, а мать Ишмата заплакала в голос. Люди переглядывались, не зная, что случилось с мальчиками. И тогда вмешался профессор Агабек Туркони:

— Не троньте их, — заговорил он. — Немного времени — и все пройдет, верьте моему слову!

Он подошел к Аламазону и с любопытством спросил:

— Ну что, мой племянник-похититель? Где ты побывал? Что видел?

Аламазон доверчиво взглянул на Агабека Туркони:

— Вы должны мне поверить, что я и в самом деле побывал в Юлдузстане — огромной подземной пещере, где нет солнца. Там очень красиво, драгоценных камней везде полным-полно, много золота и серебра. Даже у простых людей тарелки из золота, и это никто не считает за драгоценность. Но они никогда не видели звезд, не знают, что такое настоящее небо. Я обещал своим друзьям показать белый свет и уже собрался вместе с ними в поход, но вот как оказался опять в пещере — хоть убейте, не пойму! А еще этот Ишмат, который притворяется, будто ничего знать не знает о Юлдузстане!

— Успокойся, мой мальчик! — заговорил дядя. — Я верю тебе. Отдыхай, а потом мы снова поговорим о Юлдузстане!

Но Аламазон, словно влекомый странной силой, направился к Кочкарсаю. На берегах никого не было видно, только пастух Усман невдалеке сидел возле отары.

— Скажите, вы не видели в сае труп? — спросил Аламазон.

— Н-ет, не-ет, — испуганно ответил пастух Усман. — Но не дай аллах мне стать лгуном — труп овцы я видел.

— Провалиться мне на месте, это был Бурбулит! — взволнованно воскликнул Аламазон.

— Бурбулит? Это какой породы баран?

— Не баран, а визирь! Из Юлдустана!

Пастух Усман молча заерзал на месте.

— Не верите?

Пастух Усман продолжал молча смотреть на Аламазона.

— Конечно, не верите! Отрежьте мне уши, если это был не Бурбулит! Недаром Ахмад-могильщик когда-то сказал, что смерть всех уравнивает, вот поэтому и он стал смиренной овцой, этот страшный Бурбулит!

Как видите, после приключений в Юлдустане наш Аламазон стал в некотором роде и философом. Но пастух Усман этого не оценил: в недоумении смотрел он вслед нашему герою, который направился в сторону водопада.

Ему казалось, что в тихих струях сая слышен голос его новых друзей. Где-то там осталась Хазина, Хумо Хартум. Феруз... И слезы тихо покатались из его глаз. Падая в воду, они словно заставили реку заволноваться.

Аламазон по колени вошел в воду, наклонился и тихо стал шептать:

— Я оставил вас, дорогие мои, простите — и вы, господин Хумо, и вы, ребята — пехотинцы, и ты, Хазина. Но верьте мне — я все равно найду к вам дорогу, чтобы показать, как прекрасен белый свет. Все вы обязательно увидите солнце! И звезды! И небо!

Тем временем профессор Туркони разговаривал с родителями Аламазона.

— Конечно, мальчики выпили пилюли, которые я вез своему другу в Индию, доктору Кришану из Нишапура, говорил он. — И этим объясняются все их разговоры о Юлдустане, о стране Горячего Шашлыка...

Он вспомнил, как молодой археолог, выпивший одну из чудесных пилюль, проспал подряд шестнадцать часов и, проснувшись, еще не

вполне понимая, где он и что с ним, стал лихорадочно рисовать причудливые вазы и невиданные узоры. Потом потребовал, чтобы ему срочно дали командировку в места, где как раз шли раскопки сокровищ Афрасиаба. Приехав туда, он прямо направился к стене у разрушенного дворца и попросил помочь ему раскапывать это место. Сначала ему возражали, но он смог заразить своим энтузиазмом несколько своих коллег. Когда же в раскопках обнаружили небольшой сундучок, набитый драгоценностями, и попросили его объяснить, как он узнал о сокровище, он объяснил, что во сне побывал в молодом Афрасиабе в тот момент, когда город отражал натиск врагов. Он собственными глазами видел, как один из жителей тайком закапывал этот сундучок возле стены и поставил на этом месте памятный знак... Тут он подошел к стене, и как изумлены были все собравшиеся, увидев, что и в самом деле на стене виднеется едва заметная отметка!

Удивительные вещи происходили и с архитектором, который рискнул выпить вторую пилюлю. Он после пробуждения тоже нарисовал огромные здания, напоминающие проекты Корбюзье, и объяснил, что во сне гулял по городу будущего, где стояли сотни таких домов. Проекты, увиденные или придуманные этим архитектором рассматриваются сейчас на самом высоком уривне и признаны вершиной архитектурной мысли.

— Так, выходит, каждый видит то, что хочет увидеть, о чем мечтает? И эти шалопай испортили драгоценное лекарство! — огорчилась мать Аламазона.

— Выходит так, — согласился профессор. — Огорчительнее всего, что откладывается моя поездка — везти сейчас нечего. А я было рассчитывал поговорить с доктором Кришаном и исследовать вместе с ним состав таблеток, так странно достигших нашего времени!

— Но, с другой стороны, — добавил он, — не проглоти Аламазон пилюли, мы бы даже не подумали о том, что в Джиндагаре могут быть сокровища.

— А они и вправду могут там быть? А люди? — спросил отец Аламазона.

— Насчет людей не знаю, а вот в отношении сокровищ... почему бы и нет? Подскажу своим друзьям-геологам мысль — пусть как следует обследуют Джиндагар.

— Так теперь, значит, не найти больше таких пилюль? — продолжала сожалеть мать Аламазона. — Ах, шалопай, шалопай мой сын!

— Чудес на свете больше, чем мы думаем, — загадочно ответил профессор. — Кто знает, что еще всплывет из глубин времени?

...Собираясь уезжать, он подарил своему племяннику серебряную коробочку. Полустертую от времени надпись «Выпей и пус...та», которую можно было прочесть лишь сквозь лупу, впоследствии расшифровали работники музея. Надпись эта, словно и сама хранящая таинственный пряный аромат, гласила: «Выпей, и пусть сбудется твоя мечта».

Прощаясь, профессор сказал Аламазону:

— Не слушай, что станут говорить о твоём путешествии незнающие и нелюбопытные. Верь, что ты побывал в волшебной стране. Было бы неплохо, если бы каждый из нас хранил в душе мечту о своём Юлдузстане!

Таинственная коробочка с помятой крышкой, с едва заметными буквами стоит теперь на полке в музее. Иногда Аламазон приходит сюда и подолгу смотрит на нее и тыквушку с мерцающими перламутровыми пластинками. А Ишмат? Помнит ли он о том, что случилось с ним во время волшебного сна? И что с ним происходило в стране Горячего Шашлыка?

Об этом расскажем в следующий раз.

Алтыарык, 1976–1978 гг.

ЧТО СОРОКА НА ХВОСТЕ ПРИНЕСЛА СПЛЕТНЯ ПРО БАХРАМА

Ха, вы только поглядите, как он стоит — руки в карманах, рот до ушей! Веселится, словно ему петушка на палочке подарили. Бездельник! Чем так вот на улице болтаться, лучше бы «Букварь» или

еще какую умную книгу полистал.

У-у, жадина! Недавно гляжу — в школу идет. В одной руке портфель, в другой — пашмак-халва.

— Э-гей, — кричу я ему, — Бахрам! Не разделить ли то, что у тебя в руке, на двоих?

Вообще-то, у ребятни сейчас хватка такая, что ой-ойой! И аппетит — тоже. Любому мальчишке этого пашмака хоть сотню дай — в два счета проглотит, крошки никому не оставит.

К чему, спрашиваете, я клоню? Да к тому, что и Бахрам вот пожадничал, не захотел делиться. Ну, думаю, раз так — держись, Бахрамджан! Р-раз, и разнесла по всей округе его тайну. Какую? Неужто еще не слышали? Ладно, так и быть, скажу, вы ведь, как никак, тоже свои.

Вы ведь знаете: в этом году в первый класс принимали только тех, кому до тридцатого сентября семь лет исполнилось. До тридцатого! А Бахрам когда родился? Первого октября! Уж кому-кому, а мне точно известно. Так вот, он в школу, как говорится, под шумок пробрался. Пролез, понимаете ли, воспользовался тем, что в школе добрые люди работают. Они даже документы толком не посмотрели. Видят, вроде ростом вышел, а что у него в голове это будущее, мол, покажет.

Так вот, одним словом, шепнула я одному, другому про эту тайну-секрет. На свете справедливых существ, вроде нас с вами, немало, не один, думаю, так другой до директорских ушей доведет, какого обманщика приласкали. Начнут документы проверять. А там, глядишь, скажут:

«До свидания в будущем учебном году!». Короче говоря, выставят Бахрамджана из школы. Вот уж мы над ним посмеемся!

Другой раз не пожалеет тетушке Сороке кусочек пашмак-халвы. Что говорите? Учится хорошо? Отличник? Гордость класса? Скажите, пожалуйста, какие новости!

СПЛЕТНЯ ПРО ИКРАМА

Было время, я его хорошим мальчишкой считала. А потом оказалось, что воспитан он неважно. Воспитанные ребята на сорок

поглядеть специально в музей ходят. На чучело сорочье, я имею в виду. А ему чучело ни к чему. Для него главная радость — живую сороку обидеть.

Прискакал он вчера домой, бросил курам кукурузы, а сам давай камнями яблоки с дерева сшибать. Гляжу — кур мало, а кукурузы много. Разве, думаю, порядок это? Подкралась я тихонечко и стала клевать. Во-первых, время обедать подоспело, а во-вторых, я утром толком и не позавтракала, только немного в навозе покопалась. Так что, сами понимаете, кукурузу ту я с аппетитом клевала.

Ключо, значит, я, поклевываю, и вдруг вижу — прямо перед моим клювом ком сухой глины пролетает. И немалый — с доброго воробья. Куры, конечно, врассыпную, а я на самую макушку высоченного тополя взлетела. Достань, попробуй, меня.

Чем больше я об этом думаю, тем обиднее мне становится. Ну что я такого сделала? Только и всего, что у кур зерно поклевала. Икраму — то какое дело до этого? Зависть его гложет, вот что. Нет на свете никого хуже завистников. Сами не едят и другим не дают. — Неизлечимая болезнь, это я вам точно говорю.

И еще я вам скажу (раньше-то я молчала, а больше не хочу): прозвище у него — Рыжий. Один раз назовете его Рыжим — рассердится. В другой раз — орать станет. А уж в третий — во весь голос плакать начнет, прямо-таки рыдать. Вы попробуйте разок. Так просто, из интереса.

СПЛЕТНЯ ПРО НАДИРУ

Со стороны на нее поглядеть — вроде тихая такая, бесхитростная девочка. Но это если со стороны. А на самом деле она очень даже себе на уме.

Вот послушайте, что сегодня произошло. Ну, послушайте.

Гляжу я утром, перелезла Надира кое-как через порог и потопала вперевалочку по айвану. А в руке у нее кусок самсы зажат — это я хорошо со своего дерева, со сливы, то есть, видела. И не ест она ту самсу, и не выбрасывает. Странно мне это, однако гляжу, наблюдаю: что же дальше будет. А она вдруг возьми да споткнись об веник. Ну и,

конечно, растянулась на полу, и самсу в руке не удержала, отлетела она в сторону. Слышали бы вы, как заревела девчонка! Ну прямо навзрыд. Странно мне это показалось. «Неужто, думаю, так ушиблась? Дай-ка, я ее испытаю». Слетела я вниз и потихоньку стала приближаться к пирожку. И вот скажите мне, думаете вы о еде, когда у вас что-нибудь болит? Нет ведь, верно? А Надира как увидела меня, первым делом самсу схватила, а уж потом плакать перестала. Сидит, надулась, а глазищами так и сверлит меня, так и буравит.

Убедились теперь, что девчонка она себе на уме? То-то же! Так что и не думайте чем-то вкусным у нее разжиться, напрасная это затея!

СПЛЕТНЯ ПРО ЗУЛХУМОР

Девчонка она уже большая, пора бы и поумнеть, а ума — ну нисколечко. Когда ни глянь, вечно двор метет, веником машет. Неужели, думаю я про себя, по годам своим дела найти не может? Сверстницы-то ее вон как лихо на улице в классы играют.

Дело в том, что все на свете перепуталось. Зулхумор двор в такой чистоте содержит, что противно делается ни крошки, ни огуречной кожурочки, ни клочочка бумаги не найдешь. А родители на нее радуются — не нарадуются. Чему же тут радоваться?

А вот братишка ее Ильхамбай — совсем другой. Славный такой мальчонка, вечно хлеб жует. И при этом добрую половину вокруг себя, а то и под ноги себе бросает. Вот это доброта! Стало быть, не только о себе, а и обо мне он думает. Он, значит, ест, а я за ним по пятам следую, брошенные куски подбираю. И к такому я выводу пришла: если друг к дружке с почтением относиться, одной большой лепешки, ну, в крайнем случае, двух нам обоим вполне хватит, может быть, даже и останется. Хотя, конечно, едва ли.

Недавно вот такая история вышла.

Ильхамбай вышел во двор с изрядным куском свежеиспеченного патыра, при одном только виде которого у меня слюнки потекли, и только-только начал крошки на землю ронять, как, откуда ни возьмись, эта маленькая плутовка, Зулхумор, выскочила: «Сколько

раз, — заверещала она, — было тебе говорено: ешь хлеб аккуратно, не кроши, не разбрасывай вокруг! Вот же тебе, вот!» — и раз, другой шлепнула его по мягкому месту. Поверите ли, до того мне стало жалко мальчонку, что, глядя, как он плачет, я сама чуть было слезами не изошла. Однако сдержалась, возраст, знаете ли, и положение... Так вот, с тех пор Ильхамбай стал есть хлеб так, что не только кусочка крошки на земле не остается, и сколько я за ним ни хожу, ничегошеньки мне не перепадает.

Так-то вот... Хоть убей, не пойму, за что родители постоянно Зулхумор эту хвалят. А Ильхамбая хоть бы кто похвалил, «Молодец, мальчик» сказал. Вот я и говорю: по перепуталось все на свете так, что даже мне не разобрать.

СПЛЕТНЯ ПРО МУМИНА

Живет в махалле Бешогайни паренек. Звать его Мумин или Муминтай. Да вы, я думаю, его знаете: лоб крутой, нос пуговкой. Фу, даже говорить о нем тошно... Так вот, житья нам от него нет.

Дома у них — и во дворе, и вокруг — сплошной виноградник. И столько там этих самых — придумают же такое! — «солнечных ягод», что, готова с кем угодно об заклад биться, целой махалле его не съесть. И не диво, что каких-нибудь четыре сороки да с пяток воробьев иной раз прилетят виноград поклевать. Ну что в этом плохого, скажите?

Так нет же, Муминтай нас с раннего утра до позднего вечера гонять готов. Спрячется в винограднике, и давай камнями или еще чем-нибудь швырять. Или, скажем, за бечевку, к которой погремушки привязаны, дергать. Грому от этих консервных банок, погремушек то есть, столько, что впору лететь, куда глаза глядят.

Дождалась я как-то подходящего момента и аккуратноенько отщипнула от большой кисти «дамских пальчиков» одну ягоду. Ох, ох, ох! Вкус волшебный — слаще меда, ароматнее розы. Что там мед! Эх, думаю, не мешал бы никто, села бы я на лозу, да спокойненько склевала кисточки три-четыре. Как бы не так! Сядь, попробуй, когда все там гремит. И так, между прочим, каждый день.

А кто виноват, что Муминтай таким зловредным растет? Я думаю, что все дело — в воспитании. Если бы отец Мумина купил сыну велосипед — мальчишке некогда было бы за виноградником смотреть: целый день бы делом занимался — на велосипеде гонял.

СПЛЕТНЯ ПРО АЛИШЕРА

Дети, известное дело, все до единого непоседы и шалуны. Ну, и Алишер, конечно, из таких. Попадет ему в руки пять копеек — земли он под собой не чует, мчится в магазин и покупает воздушный шар. А какая польза от него? Нет, чтобы купить что-то полезное, семечки, например. И тетушку Сороку угостить. Есть у него пять или шесть самых, что ни на есть, простых голубей. Мы сороки, их и за птиц не считаем. Почему, спрашиваете? Да потому, что уважающая себя птица ни за что не станет жить в гнезде, которое ей кто-то построил. Ну, а эти живут в какой-то клетке и довольны. Беспородные, одним словом, вроде собак-дворняжек. А поглядели бы вы, как Алишер с ними носится, как балует. Противно!.. А как играет он с ними! Запустит в небо, и давай безобразничать — в ладоши хлопать, свистеть. А когда голуби в воздухе начинают кувыряться, он от радости прямо сам не свой становится. Ладно, пусть так. Но разве и мы не умеем кувыряться? Еще как. Захотим, еще лучше у нас получится. Однако под чей-то свист такие штуки проделывать — увольте, авторитет не позволяет нам шутовством заниматься.

По-моему, чем с беспородными голубями возиться, лучше бы нас досыта накормил, мы ведь всегда рядом. И птицы мы настоящие, осанистые, не то, что эта мелкота. К тому же — неприхотливые, что ни дай, все за милую душу съедим.

Эх, сколько в нас, сороках, достоинств, а бестолковые мальчишки видеть этого не желают. Им, видите ли, кувырки в небе нужны. Ну да ничего, когда-нибудь и нас по заслугам оценят.

СПЛЕТНЯ ПРО АТАБЕКА

Бывает иногда так: вроде бы и смышленный мальчишка, а все

равно дурачок. Атабек как раз из таких. Вместо того, чтобы кошке, которая вечно к нему подлизывается, хвост узлом завязать, он ее, видите ли, по шерстке гладит. Разве стал бы он это делать, будь у него привычка хоть самую малость задумываться над своими поступками?

А что, собственно говоря, представляет собой кошка?

Самое зловредное в мире животное. К тому же хитрющее. Других таких пройдох не сыскать. Ведь это же надо — человека, царя природы, так к себе приучить, что редкий дом без кошки обходится.

Чтобы вы не подумали, что тетушка Сорока просто так наговаривает, злобствует, я в подтверждение один пример приведу.

Поспела во дворе клубника, которую отец Атабека посадил. Кошки, как вам, наверно, известно, клубники не едят, она им, как говорится, и на дух не нужна. Эта же, любимица его проклятушая, с рассвета до заката вокруг огорода вертится. Захочешь ягодку-другую отведать, так она сразу тут как тут, словно бешеная кидается. У нее, плутовки, шерсть мягкая, а когти острые. Попадешься ей в лапы — прощайся с жизнью, прямехонький тебе путь на тот свет. Думаете, зря я столько времени на дереве сижу, вниз спуститься боюсь?

Вот она, негодница, рядышком с Атабеком на скамейке устроилась, калачиком свернулась. Вы не думайте, что раз у нее глаза зажмурены, так она ничего не видит. Нет, она за всем следит, до всего ей дело есть. И до клубники, которая ей на дух не нужна. У, негодница!

Помните, я вам говорила, что Атабек умный-умный, а все равно дурачок! Так вот он, садовая голова, опять кошку гладит. Лучше бы дал ей как следует ногой в бок, да так, чтобы она раз десять в воздухе перевернулась. Э-эх, и когда только этот мальчишка умом своим правильно пользоваться научится?

Ты что это, постреленок, мимо проходишь, головы не повернешь? Или, может, память тебе отшибло, узнавать перестал? А ну-ка, поздоровайся с тетушкой Сорокой как следует! Кто, кроме меня тебе правду скажет? Хочешь поважничать: глядите, мол, люди, какой я весь из себя отличник? Думаешь, тетушка Сорока так-таки ничего не знает, ни о чем не ведает? Ошибаешься! Мне точно известно, что у тебя в дневнике или по родному языку, или по арифметике, или по

географии «двойка» красуется и ты его отцу не показываешь, прячешь?

Что-что? Это ты мне сказал, чтоб я думала, что говорю? Ах, негодник, я, стало быть, обманываю? Лгунья я, да? Поклянись: «Пусть у меня чернильница разобьется и все лицо чернилами забрызгает, если в дневнике „двойка“ есть».

Молчишь, глазами стреляешь? То-то же, нет дураков клятвам твоим верить.

А от чего это, скажи, карман у тебя топырится? Небось, орехами набил его? Да, от простой ученической резинки он так тебе и раздуется. Чем в орехи играть, ты бы, тряпичная голова, лучше «двойку» исправил. Не стыдно тебе? Другие ребята, ровесники твои, между прочим, на «Доске отличников» красуются.

Ну-ка, ты мне лучше по-хорошему орехи отдай. Давай, говорю! Не хочешь? Гляди же, я отцу про «двойку» расскажу!

Постой, постой, что это? Резинка?! Хм, а что же ты мне столько времени голову морочишь? В кармане ни одного орешка, а еще в школу собрался. А ну, растяпа, сгинь с моих глаз.

СПЛЕТНЯ ПРО ТЕБЯ

Детство и юношеские годы Анвара Абиджана прошли в кишлаке Паласан Алтыарыкского района Ферганской области. Там он родился в 1947 году, там закончил школу, оттуда его проводили на службу в ряды Советской Армии.

Затем Анвар Абиджан работал табельщиком в хлопководческой бригаде, литсотрудником районной газеты. В 1974 году увидел свет его первый поэтический сборник «Мать-Земля». Вскоре к читателю пришли его новые книги: «Рассказы Бахрама», «Алавджан и его друзья», «Светлый мир».

Повесть «Аламазон и его пехота» в 1983 году вышла на узбекском языке и была тепло встречена юными читателями.